

ЦЕЛЮЮ,

КОЩЕЙ

16+

СОБСТВЕННАЯ С.И.В. КОЩЕЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

Анатолий Антонович Казьмин
Целую, Кощей
Серия «Канцелярия Кощея», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42155005

SelfPub; 2019

Аннотация

Тайный сыск царя Гороха, дело о перстне с хризопразом, заговор черной мессы... Это всё уже осталось позади! Альтернативный взгляд на происшедшие события, описанный лично Статс-секретарём царя Кощея, Захаровым Фёдором Васильевичем. Бывший студент, компьютерщик Фёдор, волею Великого и Ужасного Кощея, попадает в древнерусское царство-государство, где он сумел не только успешно ужитья во дворце Кощея с монстрами и весьма необычными коллегами, но и украсть меч-кладенец прямо из сокровищницы царя Гороха и построить летучий корабль. (Обложка разработана автором книги на основе свободных материалов сети Интернет)

Эта история довольно запутанная и закончившаяся для Кощея весьма неприятно, началась с утренней истерики беса Аристофана, устроенной в моей спальне. Но об этом чуть позже, а пока для полноты картины позвольте мне вернуться на пару дней назад. Ну, заодно и представиться.

Захаров Федор Васильевич. Статс-секретарь Великого и Ужасного царя Кощея. Если совсем уж официально, то структурное подразделение, которое я возглавляю, называется Собственная Его Императорского Величества Кощея канцелярия. А у меня кроме скромного чина Статс-секретаря, есть еще и военный – генерал-поручик. Но это только для парадов и встреч с официальными лицами, типа американского президента или главы Евросоюза. Шучу. Нет тут, в средневековой сказочной Руси ни Америки, ни Евросоюза и слава всем богам. А вот чин генеральский у меня всё равно есть. За что слава уже царю нашему, Кощею. Хотя, честно, чин этот генеральский мне и даром не нужен. Мне его Кощей и навязал перед поездкой к шамаханам во время того дела в Лукошкино когда мы Вельзевулу пинков навешали.

* * *

Итак. Пару дней назад, возвращаясь от нашего шеф-повара, Иван Палыча я на входе в свою Канцелярию столкнулся с милостивой чернявой девушкой. Она как раз выходила от нас и поклонилась по дворцовому этикету:

– Здравствуй на многие лета, батюшка Секретарь!

– Э-э-э... Здравствуйте. Могу я чем-нибудь помочь?

– Мне уже помогли, – улыбнулась она и, еще раз поклонившись, быстро зашагала по коридору к выходу.

Я заинтересованно проводил её взглядом. Стройная, черная коса до пояса, фигурка тоненькая, а внизу эдак покачивается всё на ходу. Хотя... я почесал нос, было бы там чему покачиваться. Совершенно не мой типаж. Мне больше Лукошкинские девушки нравятся. Идёт такая по улице будто плывёт, а талия тонюсенькая, а вот то, что ниже и выше, совсем даже наоборот, но без излишеств. И глаз радует, и руки сами тянутся. А эта чернявая... Ну такой модельной внешности. Только у меня тут во дворце этой модельной внешности в виде скелетов, на каждом углу по пять штук, да еще и в непосредственном подчинении персональный скелет имеется, Дизель.

Мда... Прошу прощения это я увлёкся немного. Организм у меня молодой, требует романтики вот и заносит иногда. Точно возьму отпуск и рвану в Лукошкино, познакомлюсь там с хорошей девушкой и... И снова прошу прощения.

Так вот, еще когда эта девица мне кланялась, на голове у неё я ясно увидел небольшие рожки. А значит – нечисть это. Не знаю уж, шамаханка или бесовка, или еще какая разновидность, тут монстров хватает, но не человек точно.

Я вошел в Канцелярию.

Маши не было, Дизель сидел на диване и сосредоточен-

но крутил костяшкам пальцев кубик Рубика, который я ему подарил, бесенята Михалыча, Тишка да Гришка дрыхли в моем компьютерном кресле, а сам Михалыч расставлял какие-то пузырьки, флакончики и баночки по столу, доставая их из небольшого сундучка.

– Это что за мадмуазель к нам приходила, дед? Что ей надо?

Михалыч как-то странно усмехнулся:

– А это, внучек, от Кощея-батушки с порученьцем – извести дружка твоего Лукошкинского, сыскного воеводу.

– Да ты что?! Серьёзно?!

– Нет, шуточки тут шутю, – фыркнул Михалыч. – Ить зелье сейчас сделаю, отведает его участковый и всё, пеките пирожки на поминки.

Вот это мне очень не понравилось. Этот участковый Никита Ивашов был моим товарищем по несчастью, перенесённым из своего мира в этот. Попав в местный стольный город Лукошкино, он быстро наладил милицейскую службу под эгидой царя Гороха и довольно успешно освоился тут. Приютила его Баба Яга в своем тереме, на базе которого впоследствии и возникло первое Лукошкинское отделение милиции. Я с ним встречался во время операции Кощея по выдворению с Руси адского демона Вельзевула, и, честно скажу, и поработали мы вместе, и остались в хороших отношениях. Пусть мы и находились по разные стороны баррикад, так сказать, но личной вражды у нас не было. Почему по раз-

ные стороны? Ну, тут всё просто. Он работал на стороне правопорядка. А я – на стороне Кощея. А уж Кощей и правопорядок это вещи несовместимые. Только вы не верьте всем слухам, что про Кощея ходят. Ну, это как всегда от поедания младенцев до личного распятия Христа на одном столбе с Буддой и Моисеем за компанию. Кощей, в моём понимании ситуации, был эдаким мафиози государственного размаха. Весь теневой бизнес, все разбойнички, воры, мошенники и прочие лихие люди ходили под ним и долю от незаконно нажитого отдавали ему регулярно и с радостью. Власть и богатство Кощей себе обеспечил.

Когда Ивашов появился в Лукошкино, Кощей, не ища легких, простых вариантов для нейтрализации участкового, таких как банальное убийство, хотя это было и не сложно, пошёл в своей борьбе другим путём. Он вытащил меня из моего мира, рассуждая, что эффективно бороться с милиционером сможет лишь его соотечественник из его же времени. Ага, в моем мире есть только милиционеры и терминаторы-убийцы, люто ненавидящие этих самых милиционеров. А скажем, скромный компьютерщик, сезонно работающий в геологической партии, существовать в принципе не может. Как оказалось, еще как может. Кощей со своим планом сильно обломался, а я сильно обломался со своим миром. Как я тут пристроился на Кошеевой службе – это отдельный разговор, а возвращаясь к Ивашову, хочу только подчеркнуть, что так никто и не выяснил, кто и зачем затащил его в этот

мир. По крайней мере, пока.

– Михалыч, а чего это вдруг Кощей решил участкового прикончить?

– Не знаю, внучек, пойдй, пойми его, загадочного нашего. Только неладно тут что-то. Ить и не пойму, то ли Кощей-ба-тюшка опять план какой хитрый затевает, то ли девка ента бесовка что-то задумала... Но, поверь уж, Феденька, мутное это дело какое-то.

– Верю, дед. И что теперь? Вот так просто прикончат участкового и всё?

– Запереживал о дружке своем? – подмигнул Михалыч.

– И вовсе он мне не дружок, – запротестовал я. – Чего это сразу – дружок? Просто тогда нам помог, да и вообще...

Михалыч тем временем намешал в пузырьёк всякой гадости, взболтнул, посмотрел на свет и довольно крякнул:

– От знатная отрава получилось-то. Хана твоему Никитке!

– Дед, как-то неправильно это...

– Всё, что Кощей наш батюшка делает, всё правильно, – строго заявил Михалыч. – И хорошо, что у него такой умелец как я есть. А кто-нить другой полезет к зелью да испортит запросто. Вот, смотри, внучек, если из этого флакона капнуть две капли в зелье, то яд смертельный уже не смертельным станет. И не помрет твой участковый, а только поболееет крепко.

Михалыч вдруг вскинулся:

– Охти ж мне! Я же там оладики на плите оставил! Сгорят, ей-ей, сгорят! – он пошаркал к своей комнате, где держал небольшую печурку, а перед тем как войти, обернулся: – Не одну каплю, не три, а ровно две.

Едва он скрылся у себя, как я подскочил к столу, схватил нужную склянку и с величайшей осторожностью отсчитал две капли прямо в яд. Отрава вдруг запенилась, забурлила, но тут же утихла. Я поставил склянку на место и отодвинулся от стола. Вовремя. Михалыч вошел в кабинет, сокрушенно качая головой:

– Совсем старый у тебя дед стал, Феденька... Ну какие оладики, если мы их ишо утром умяли? Пора мне на покой, как есть пора.

– Ну, дед, ты скажешь. Ты у меня еще ого-го! Любого молодца за пояс заткнешь!

Михалыч довольно покивал, а потом внимательно взглянул на меня:

– Оладики?

Ну, началось.

– Дед, я же только от Иван Палыча! Покормил он меня.

– Небось, лягушками да улитками пичкал из своего французского меню? Тьфу! А я от тебе оладиков...

– Не надо, Михалыч! Сыт я.

– Тогда яишенки.

– Михалыч!

– С салом. Да огурчиков соленых да хлебца черного кусо-

чек. Давай, Федь, ну немножко?

– Да некуда уже! Мне бы еще для ужина силы поберечь.

– Какой ужин?! А обед?! А, полдник?! Нет, внучек, ты как хошь, а я загубить твою организму молодую не дам! Вот сейчас щей...

– Давай яичницу.

– Вот и славно, вот и молодец.

* * *

И было это, как я уже говорил, два дня назад. А сейчас во дворце Кощея раннее утро. В Лукошкино, наверное, петухи пропели, а здесь петухов отродясь не бывает даже на кухне. Потому что Кощей с ними не дружит. Но у меня есть свой личный будильник – скелет с гордым и логичным именем Дизель. Каждое утро ровно в шесть часов по приказу царя нашего злодейского, запускает Дизель генератор, от которого подается питание на мой компьютер. Генератор у меня тихий, а вот Дизель – громкий. Крутит он рукоятку с бешеной скоростью и визг и грохот от его костяшек, трущихся друг о друга, стоит такой, что услышали бы лукошкинские живые будильники – петухи, померли бы от зависти. Сколько раз я просил Кощея переприказать Дизелю, чтобы он не запускался так рано. Ага, сейчас прямо сразу. Кощей только ехидно улыбается своим костлявым черепом, а я каждое утро вскакиваю ни свет ни заря.

Но сегодня разбудил меня не Дизель как обычно, а вопль Аристофана откуда-то снизу, я аж подскочил на кровати, сонный и ничего не понимающий.

– Босс! Не губи, в натуре! – завывал квадратный бес, стоя на коленях возле кровати и тряся маленькими рожками.

– Аристофан? Ты чего? Опять твои ребята в казино продулись и надо идти выкупать их? Так и знай – не пойду! Не потому что денег жаль, хотя и жаль, конечно, а потому что, – я набрал в лёгкие побольше воздуха и заорал: – Достали вы!

– Не-не, босс, – чуть не плача провыл Аристофан. – Казино – не вопрос! Мы там сами без базара разрулим.

Я откинулся на подушку:

– Ну, что случилось?

– А чего он?.. – бес хлопнул поросычим рылом и тоскливо протянул: – Хана нам, босс...

– Нам – это кому? И мне тоже? Вы что, паразиты натворили?! Агриппине Падловне, главбуху нашему, квартальный отчет испортили? Не? У Кощея коньяк выпили, а вместо него чернил налили? Тоже нет? Доспехи его в металлолом сдали, а царю-батюшке теперь воевать не в чем и он велит вас в тронном зале вместо люстры повесить с факелами в... в руках? И меня заодно с вами?

– Что ты, босс! Ты у нас фартовый по жизни, а вот меня с братвой он в Лукошкино загоняет меч стырить из подземелья царского. А там охрана, босс! Там стрельцы звери такие, бердышами живо нам хвосты под ноль сравниют! Защити,

босс, а? За мной не пропадет!

– Он – это Кощей?

Аристофан горестно кивнул.

Как вам утро начинается? Весело? А я уже почти привык на Кошеевой службе к такому.

Я закрыл глаза. Ничего не хочу, отстаньте от меня, дайте поспать. Утомленному организму бедного компьютерщика нужно не восемь положенных часов сна, а девять, лучше десять... одиннадцать... двенадцать... хр-р-р-р...

– Босс!

– А?! Что?..

Ну, разве это жизнь?

А ведь где-то там, еще какая жизнь. Лето, тепло, солнышко светит, птички орут, надрываются.

Но это там наверху, а у нас под Лысой горой во дворце Кощей, как в загадке про ёлочку – зимой и летом. Только климат, а не цвет. Хотя, чего это я? Цвет тоже не менялся с последнего ремонта. А последний ремонт был... Не знаю когда, но судя по моим ощущениям, тысячи две-три лет назад.

А вот в своей Канцелярии я планирую ремонт в ближайшем будущем. Нравится Кошеею мусор и грязь в коридорах и залах ну и на здоровье, а я своё рабочее место буду содержать в чистоте и комфорте. Тем более что для этого не надо самому ничего делать. Дал распоряжение своим сотрудникам и всё. Ну не всё, конечно. Ещё уприси их, уговори, заставь, в конце концов!

– Босс, а, босс! – продолжал нить Аристофан. – Я же не без понятий, я же отблагодарю в натуре! Спаси, а?

Всё, сон загублен окончательно, придется вставать.

Аристофан, кстати, это начальник боевого отряда бесов приданный мне в Канцелярию для... Не знаю для чего если честно. Для престижа, наверное, и на всякий случай. Мы еще ни разу не использовали эту банду по назначению. Просто потребности в боевых или диверсионных действиях пока не было. И это радует. И сидят пока бесы в своей казарме, расположенной рядом с офисом Канцелярии и целыми днями режутся в карты или, если заведутся деньги, то проматывают их в подвалах в различных злочных заведениях. Единственная польза пока от них – поддержание чистоты в нашем коридоре, за чем пристально следят Маша и мой Михалыч.

– Вот что, Аристофан, – я напялил майку и джинсы, – я схожу к Кощею-батюшке узнаю, что он там еще придумал. А ты пока сиди в казарме со своими архаровцами и не паникуй. Понятно?

– В натуре, босс! – закивал Аристофан и исчез наконец-то из моей комнаты.

Может еще поспать? Но тут, словно в ответ на такую дельную мысль за стеной завывло, заскрипело и по ушам ударило ультразвуком. Дизель запустил генератор.

Я кинулся из спаленки выходящей сразу в кабинет и заорал:

– Дизель! Вырубай! Вырубай на фиг, а то Маше скормлю!

Уф-ф-ф... Другое дело.

Дизель виновато выглянул из своей комнатки и пожал плечами мол, приказ свыше он тут ни при чем.

– Фи, мсье Теодор, – пробормотала Маша, не отрываясь от очередного рыцарского романа. – Пуркуа бы это я стала грызть кости?

– Машуль, – я резко поменял тему, – Может, поможешь мне с ремонтом?

– Конечно, мон ами Теодор, – отозвалась моя вампирша, перелистывая страницу и откусывая от пирожка. – Вот только я с моим Кнутиком увижусь и сразу же к вам. Ремонт делать. Вы ждите, мсье, ждите.

Для короткой справки. Кнутик – это в Машином изложении Кнут Гамсунович Шпицрутенберг, немецкий посол при русском дворе, большой поклонник Маши. И наоборот. Любовь у них.

– Машуль, – добавил я легкую приказную нотку в голосе, выбираясь в коридор где, напротив маячила дверь моей цели – ванной, – ну давай приведем Канцелярию в порядок, а?

Маша только поморщилась, хотя и кивнула мол, сделаем, сделаем, отвяжитесь только.

Что бы вам понятнее было Маша – это моя персональная вампирша. Не в том смысле, что питается мной, а в том, что работает под моим чутким руководством. Хотя кровь мою пьёт она регулярно, образно выражаясь, конечно. На самом деле Маша ничью кровь не пьёт, потому что вегетарианка.

Да и вообще она совсем не Маша, а Марислава. Красивое такое, на мой взгляд, сербское имя, хотя Маша предпочитает называться на французский манер – Марселиной. Это я её сразу обозвал Машей из вредности ну и прижилось.

Запутал я вас? Это я умею. Не переживайте, сейчас объясню. Марислава, милая сто пятидесятилетняя... э-э-э... давайте я цифрами: 150 лет, нормально так? В общем, по нашему с вами счету весьма пожилая, а по-вампируски совсем юная вампирша же. Волею судеб попала к моему нынешнему работодателю Кощею, который исключительно в научных целях, желая трансформировать её в эдакого супер-убийцу, напутал что-то в алхимических формулах и получил уникальнейший в мире результат – вампиршу-вегетарианку. Нобелевской премии на него нет. Вот так и появилась в моей Канцелярии очаровательная сотрудница с принципиальной готической внешностью, которую Кощей не знал, куда пристроить после своих экспериментов и с радостью отдал мне. О чем я впоследствии не пожалел. Хотя иногда и готов был придушить Машу Кощеем, обмотав его костлявое тело вокруг ее нежной шейки.

Ой, ну её, потом всё равно заставлю ремонт делать...

– Внучек, хватит плескаться, – стукнул в дверь ванной Михалыч. – Завтрак уже на столе. Давай, давай шибче, остынет же.

– Иду, деда, сейчас.

Я ещё раз окунул палец в толченый мел и потер им зубы.

Нет тут зубных паст и зубных щеток, а зубам уход нужен, это вам любой стоматолог скажет. Стоматологов тут тоже нет, как вы понимаете, поэтому за зубами я слежу тщательно. Да и пример был наглядный пару недель назад – у Змея Горыныча средняя голова зубом маялась, уж я и посмотрелся и послушался.

Ну, всё, с водными процедурами окончено, пойду отдаваться в цепкие лапы Михалыча. Сейчас начнётся откармливание исхудавшего Феденьки на нелегкой Кошечевой службе. У Михалыча голодать не получится, не захочешь, а впихнёт еду, а будешь возмущаться так насильно кормить будет, да еще и ручкой швабры поглубже пропихивать и утрамбовывать. Шучу, конечно, но и не так чтобы сильно шучу.

– Садись, садись, внучек! – засуетился мой дед, едва я вернулся в Канцелярию. – От тебе от Иван Палыча привет – жареные колбаски, вку-у-усные! А к ним он тебе опять мешанину-то понаделал вашу басурманскую.

Иван Павлович это, как я уже говорил, шеф-повар во дворце. На самом деле он француз Жан-Поль де Бац, но у нас его имя быстро переделали на русский манер, а он и не против. Мы с Иван Палычем в дружбе. Как сойдемся, так часами можем под французский коньячок да с интересными закусками обсуждать различные блюда из моего времени. А эта мешанина, про которую дед упомянул это наш очередной гастрономический эксперимент. Рассказал я как-то Иван Палычу об оливье да майонезе, он и загорелся, вот только иде-

ала достигнуть никак не можем.

– Ну, чаво задумался, внучек? Остынут же ить колбаски!
Колбаски пахли одуряюще.

Я схватил вилку, воткнул в ближайшую ко мне колбаску и из неё брызнул во все стороны горячий сок. Красота. А вот с оливье опять неудача. Сам состав уже близок к идеалу. Вместо колбасы – курятина, но это вполне подходящая замена. Зеленого горошка так и нет, но Иван Палыч закатал несколько банок к Новому году, а вот майонез ну никак у нас не получается. Будем продолжать наши опыты.

– Михалыч, – прочавкал я, – я тут подумал, надо бы нам ремонт сделать в Канцелярии, а?

– Ты кушай, внучек, кушай. На, от, кваском запей.

– Ремонт, говорю...

– Хороший квас. С брусничкой!

– Стены все ошарпаны...

– А выпрошу у Иван Палыча изюму, ить такой ядрёный квасок заделаю, у-у-у!

– Потолок кривой и уже черный почти...

– У меня закваска, внучек, ишо с того года сохранилась.

Хоро-о-ошая...

– Двери в спальни совсем гнилые...

– Да сдался тебе этот ремонт! – рявкнул, не выдержав дед. – Тыщу лет дворец стоит и безо всякого ремонта. Дел у нас столько, а ему ремонт... Да еще слово такое выдумал – ремонт, тьфу!

Михалыч вдруг оказался очень занят по жизни принципиально. Оладушки мне сделать, это всегда пожалуйста с удовольствием, а вот самому обои поклеить... Да и бесенят своих, Тишку да Гришку для ремонта выделить это фигурки. Маленькие они ишо. Ага. Как слив из царского, пардон, туалета переправить в тронный зал и залить его, еще раз пардон, фекалиями, так им сил хватает. Запрячь трех скелетов таскать корыто и рассекать в нём по коридорам тоже ума хватило, а как потолок побелить в родной Канцелярии, так маленькие они.

– Ну, Михалыч...

– От, вредный ты у меня, Федька. И нудишь, и нудишь... Да сделаем тебе твой ремонт! Вот с делами разберемся и сделаем.

Поставил задачу и все сразу кинулись выполнять – это не про Канцелярию. Тут люди творческие, надо сначала обдумать хорошенько, прикинуть как и что, а главное – морально созреть.

– И какие это у нас дела, Михалыч? Бесенятам твоим новые штанишки пошить или Маше пирожков нажарить, чтобы любовные романы лучше проскальзывали?

– Фи, мсье Теодор, – тут же откликнулась Маша с дивана. – А с чем пирожки?

– А ты, внучек, про Аристофана забыл? – отмахнулся от вампирши дед. – Что он тут всё утро завывал?

Ох, точно. Надо же к Кощею пойти разузнать, что он там

опять затевает.

– Ладно, я тогда к царю-батюшке пошел, а вы тут прикиньте все-таки, что нам для ремонта надо. Ну, там материалы, смету набросайте, а я потом её отнесу Агриппине Падловне в бухгалтерию.

Маша помахала мне ручкой, а Михалыч распахнув дверь, выпроваживая поскорее, пробурчал:

– Скатертью дорога.

Я вышел из Канцелярии и пихнул в соседнюю дверь ногой:

– Аристофан! С вещами на выход!

Дверь приоткрылась и в клубях дыма, вырвавшихся из казармы бесов, показалась голова Аристофана:

– Это... Босс?

– Пошли к Кощею. Подождешь там за дверью на всякий случай... Как вы не задохнётесь там?

Бес гыгыкнул и выскочил в коридор, плотно притворив за собой дверь.

Что они там вытворяли, я не знаю и знать не хочу. Может, жарили что, или курили какую-нибудь гадость. Бесы, что с них взять.

Мы зашагали грязными коридорами к кабинету Кощея. Аристофан у Кощея мне был особо и не нужен, а вот в качестве защиты от Гюнтера, камердинера Кощея, очень даже пригодится. Гюнтера я терпеть не мог за вечно недовольную высокомерную рожу. Но если раньше я старался просто не

обращать на него внимания, ну или подкалывал иногда, то теперь я избегал Гюнтера, как только мог. А началось всё с шуточки Кощея, которую он выдал на банкете в честь победы над адскими демонами.

Толкая очередной тост, Кощей ради разнообразия, а может и просто устав хвалить самого себя, посвятил его мне. Ну и расписывая мои достижения в частности и всей Канцелярии в целом, Кощей выдал фразу на смеси официального и блатного языков, типа «А еще у моего Федора Васильевича, имеется очко рогатое, хвостатое и очень мощное». Ну вот, вы – люди нормальные, сразу поняли, что раз у меня в подчинении двадцать один бес, включая Аристофана, то Кощей выдал каламбур, имея ввиду знаменитую карточную игру «Двадцать одно» известную так же как «Очко». Так то – вы. А вот Гюнтер, оказавшийся по жизни очень пра-ативным, сразу наострил ушки, поняв Кощея в совершенно извращенном смысле. И тем же вечером прислал для меня в Канцелярию орхидею, изящно упакованную в голубенькую коробочку. Бр-р-р!

Мои добрые глубоко мне сочувствующие сотруднички ржут до сих пор. Гюнтер делает мне глазки при любом удобном случае. А я обхожу его стороной, практически не появляюсь у Кощея и если и рискую наведаться к нему в кабинет, то только в сопровождении кого-нибудь. И ведь прибить его нельзя. Так бы делов-то, того же Аристофана попросить и прощай навсегда милый Гюнтер. Это тут у Кощея запро-

сто в порядке вещей. Да только ценит своего дворецкого Кощей. Ну как же, шарман, прямо как в просвещённых Европах, прямо как в лучших домах Парижа и Лондона. Прибей такого, так Кощей обидится. И вот тут уже и не знаешь, что хуже – обиженный начальник или махровый извращенец.

Только мы зашли в приёмную как Гюнтер засиял как гламурная блондинка при виде нового айфона и бросился мне наперерез, однако был остановлен мощным тычком Аристофана.

– Иди, босс, я тут подожду.

Благодарно кивнув бесу, я постучал в дверь кабинета:

– Ваше Величество, разрешите?

И не дожидаясь ответа, зашел внутрь.

Как всегда у Кощей в кабинете был бардак. Мне безумно нравилась его рабочая обстановка, эти наваленные горами на столе старинные манускрипты, рукописи, листы пергамента. Расставленные в беспорядке на полках, стеллажах и шкафчиках самые различные колбы, пробирки, какие-то странные приборы, а может и не приборы, чучела по стенам, картины, какие-то листы в рамках, в общем, классический кабинет сумасшедшего ученого.

Сам Кощей восседал в кресле за своим столом и, увидев меня, махнул рукой:

– Давай, Федор Васильевич, присаживайся. Случилось что?

– Здравствуйте, Ваше Величество, да нет, просто хотел

узнать подробнее, что вы там моим бесам за задание дали на счет меча какого-то?

– Вот на счет какого-то тут ты в точку попал, господин мой Секретарь. Есть меч, точно, а вот что он из себя представляет, не понять.

– Да может и ну его тогда?

– Нет, не ну его. А вдруг там вещь ценная, для меня полезная?

Я пожал плечами. Если Кощей загорелся идеей, то его не переубедить.

– Вот что, Федя, я сейчас один разговор затеваю как раз и меча этого касающийся, да и других дел наших интересных, а ты посиди пока, помолчи да послушай.

Я кивнул, а Кощей проорал:

– Гюнтер! Давай-ка сюда нашу красну девицу!

Дверь распахнулась и в проёме показался Аристофан.

– Босс, – кивнул он мне. – Царь-батюшка, – поклон Кощей. – А Гюнтер это... покурить вышел. Я за него. Вот ваша шмара.

Он освободил дорогу и в кабинет вошла та самая чернявая девица, которая хотела отравить участкового. Поклонилась Кощей, мне и замерла у дверей.

– А, Олёнушка! – доброжелательно воскликнул Кощей. – Проходи, проходи. Федя, ну-ка дай Олёнушке, слуге моей верной, вон тот стульчик, что у стены стоит.

Ладно, мне не трудно. Я переставил стул в центр кабинета

напротив стола.

– Садись, милая, что стоять-то? В ногах ведь правды нет, – Кощей захихикал, а потом уже повелительно бросил: – Садись.

Девушка села, Кощей тут же щелкнул пальцами и из стула как змеи выскользнули веревки и плотно обмотали свою жертву. А она даже и не сделала попытки вырваться, только обреченно опустила голову.

– Вот такие дела, – заходил Кощей по кабинету. – Видишь, господин Статс-секретарь, она и не удивляется даже, вопросов не задаёт, за какие это провинности её тут связали. А почему? А потому, что вину свою чувствует.

Я ничего не понимал и предпочитал помалкивать, как и приказал мой шеф.

– Ну, раба моя неверная, сама всё расскажешь или пытаться тебя надо люто и безжалостно? Лучше, конечно, попытаться. Оно и веселей и забавнее.

Девушка вдруг вздохнула и тихо с мукой произнесла, так и не подымая головы:

– Отпусти меня на волю, царь-батюшка. Не могу я больше. Никак не могу. Руки по локоть в крови, а сколько душ невинных загубила, твои задачи выполняю... Верой и правдой столько лет тебе служила... Отпусти, батюшка.

– Верой и правдой, говоришь? Ну, может быть так оно и было, только за верность я награды даю, а не к стулу пыточному привязываю. Так почему же ты здесь оказалась?

– Воля твоя, батюшка...

– Моя, верно. Только не ответила ты мне, бесовка.

Он повернулся ко мне:

– Знаешь её, Фёдор?

– Ну, виделись разок мельком. Заходила к нам в Канцелярию.

– Зачем, сказала?

– Мне – нет. Она с Михалычем разговаривала.

Мне было жутко неловко. Я чувствовал себя каким-то доносчиком. Хотя, с другой стороны, симпатии к этой девице я не испытывал, памятуя её затею с убийством участкового.

– Ты мне, Федор Васильевич, не хитри, прямо отвечай, когда я тебя спрашиваю. Зачем бесовка к вам приходила?

– Михалыча просила зелье сделать, – выгораживать я её не хотел, а уж обманывать Кощея, тем более. – Отравить участкового лукошкинского собиралась.

– Вот, – покивал головой мой работодатель. – За честность хвалю. Но нешто ты думал, что я и так этого не знал? Нешто в моём дворце от меня секреты, какие быть могут?

Я пожал плечами мол, виноват, но исключительно по глупости, а не из злого умысла.

– Ну и зачем, раба моя, ты участкового Никитку извести надумала?

– Тебе приятное сделать, батюшка. Чтобы отпустил ты меня за службу верную.

– Да неужто? – картинно удивился Кощей. – Вот смотри,

Федя, каких я работничков выращиваю. И приказывать ничего не надо, сами за меня всё додумывают и доделывают.

Я пока не понимал, куда он клонит и слушал внимательно и напряженно.

– Хитришь ты, девка, ох хитришь. И про меч-кладенец вызнавала – тоже мне подарочек сделать хотела?

Бесовка молчала, так и не подымая головы.

– Не хочешь по-хорошему говорить, будешь по-плохому. На цепях бы тебя вздёрнуть и железом каленым прижечь, да только времени сейчас на баловство нет.

Кощей открыл ящик письменного стола, порылся и достал небольшой полотняный мешочек.

– Федор Васильевич, налей-ка в стакан воды половину.

Налил, отдал Кощей. Он сыпанул в воду немного белого порошка из мешочка, размешал костлявым пальцем тут же ставшую опять прозрачной воду и поднес стакан к лицу девушки:

– Ну-ка выпей, красавица. Пей-пей, а то силком волью.

Он приподнял ладонью подбородок бесовки и она безвольно проглотила содержимое.

– Вот и молодец, – похвалил Кощей. – А мы подождем, пока зелье мое действовать начнет, а потом ты нам всё-всё расскажешь.

– Сыворотка правды?

– Почему сыворотка? – удивился Кощей. – Порошок. Ага, смотри, Федь, обмякла девка, можно спрашивать.

Девушка и правда, безвольно повисла на веревках и Кощей приступил к допросу.

– Зачем участкового убить надумала?

– Выслужиться хотела, – тихо произнесла она. – Доверие заработать.

– Передо мной выслужиться? – Кощей повернул ко мне голову и поднял палец, призывая к вниманию.

– Нет, батюшка.

– А перед кем же? К кому переметнуться надумала?

– К Змею, батюшка.

– К Горынычу?! – охнул я и тут же виновато прикрыл рот ладонями.

– К Горынычу, – подтвердила девушка. – К фон Дракхену.

Я недоуменно посмотрел на Кощея. Что это за фон такой?

Он только отмахнулся и продолжил допрос:

– И что пообещал тебе фон Дракхен за участкового?

– Сказал – посмотрит.

– Что еще велел сделать?

– Ничего, батюшка. Это я сама ему предложила и про меч вызнать и про сестру Горохову.

Бесовку прорвало, похоже, порошок начал действовать с максимальной силой и информация из нее хлынула, как вода из Рейхенбахского водопада.

Про Змея этого я толком не понял, решив потом расспросить Кощея, но вспомнил, как Горыныч жаловался мне мол, окопался тут у нас на Руси еще один гад летающий, которого

ошибочно тоже Змеем Горынычем зовут. Только, как я понял и размерчиком этот Змей был куда поболее, да и норов имел крайне отвратительный.

Вот к этому фон Дракхену и решила переметнуться бесовка Олёна, в надежде быстро выслужиться, а за то получить от него способ избавиться от рабства у Кощея. Я эти тонкости не понимал пока, рабство, бесовка, что это означало без понятий. Так, по смыслу догадывался и всё. Так вот, Олёна эта, решив показать свою крутизну и профессионализм, выбрала в качестве показательной жертвы одну из видных фигур в окружении Гороха – участкового, как вы поняли. Только фону этому Дракхену участковый был до лампочки, не сталкивался он с ним, да и вообще, кажется, не знал про его существование. Однако же само убийство одобрил, почему бы и нет, зря, что ль старалась? Олёна, поняв, что с участковым она прогадала, подкинула еще пару идей. Во-первых, разузнала где-то, что у Гороха в подвалах хранится какой-то меч-кладенец, которым по легенде, некий герой в стародавние времена якобы крепко надавал то ли этому Дракхену то ли его родственничку. В любом случае, как она посчитала, Змею этот меч будет интересен. Оказалось, что не больше чем участковый. То ли знал что-то Змей про этот меч, то ли не верил в сказки, но и к этой информации отнёсся равнодушно.

И тогда Олёна выложила свой последний козырь. К Гороху как раз заявила его двоюродная или троюродная, не

важно, сестрица, которая покинула монастырь, где провела детство, достигнув совершеннолетия. Вот её и предложила Олёна похитить, чтобы впоследствии шантажировать Гороха. Но и тут Змей проявил, может быть, чуть большую заинтересованность, да и то, думаю, скорее в извращенном плане. Мой приятель Горыныч тоже постоянно строит глазки нашей Маше, хотя в физиологическом смысле я себе представить процесс веселых любовных игрищ между человеком и драконом не могу. Хотя, кто их, гадов этих крылатых знает...

– Больше ничего не натворила? – строго спросил Кощей. Бесовка помотала головой.

– Вот и хорошо, вот и славно, – Кощей опять принялся задумчиво мерять шагами кабинет. – А знаешь, Олёнушка, а освобожу-ка я тебя. На волю отпущу.

Олёна вскинула голову и неверующе посмотрела на него, но в глазах её появилась надежда.

– Да-да, вот так просто возьму и отпущу. Только не сразу, а скажем, через год. Хочешь?

Она часто закивала головой.

– Вот и хорошо. Но только этот год будешь служить мне на совесть! А за хорошую службу уже следующим летом будешь свободна. Договорились?

– Да, батюшка-Кощей, договорились! Уж и не знаю как тебя благодарить... Всё сделаю, всё выполню, ты только прикажи!

– Славно, славно... И ещё. Если когда-нибудь потом мне

вдруг потребуется от тебя услуга...

– Выполню, батюшка! Только убивать больше...

– Ну вот, условия начались... – протянул Кощей недовольно. – Хорошо, быть по сему. Обойдемся и без убийств. А пока – служи мне верой и правдой! Вон к Федору Васильевичу в распоряжение поступаешь. Слушай его как меня. Всё ли поняла?

Олёна опять закивала, а я икнул. Мне-то она зачем?! Мне своих хватает, да с перебором уже.

Кощей щелкнул пальцами и веревки опали и втянулись в стул.

– Ну, слуга моя верная, иди. За дверью нового начальника своего обожди.

Едва она вышла из кабинета, как я заныл:

– Ну, Ваше Величество, ну зачем мне она?! Мне и Маши...

– Цыц, – заткнул меня Кощей. – Возьмешь ее, пригодится. Заодно присмотришь за ней, как она договор соблюдать будет. А сейчас, Федор Васильевич, о другом поговорим. Хочу тебе дело поручить, важное.

Спасибо, рад. Просто счастлив.

– Не демона, надеюсь, опять изгонять придётся?

– А что, понравилось? – хохотнул Кощей. – Нет, демоны теперь не скоро ко мне сунутся. Другую задачку хочу тебе загадать.

Когда через полчаса Кощей закончил вываливать на мою

бедную голову информацию, я взмолился:

– Ваше Величество, ну погодите немного. Дайте мне время переварить услышанное, обдумать. Тогда уже и прикидывать можно с чего начать.

– Вот и правильно, подумать никогда не вредно, – согласился Кощей. – Время у нас есть пока, но и сильно затягивать не стоит. Иди, Федя, прикинь, подумай и за дело берись. Подключай свою Канцелярию, бесов задействуй, а если еще что понадобится – говори.

Я вышел из кабинета совершенно ошарашенный и мысли вихрем носились в голове, не давая ни на чем конкретно сосредоточиться. Даже про Гюнтера забыл, хорошо, он отсутствовал.

– Батюшка Секретарь, – поклонилась, ждущая меня Олёна.

Тьфу ты, а я и про неё тоже забыл. Не вовремя как она, но деваться некуда. Ладно.

– Пойдем, Олёна в Канцелярию, там и поговорим.

Я махнул Аристофану и мы быстро зашагали к нам.

Едва мы вошли в Канцелярию, как наши, увидев нас, насторожились. Дизель, развалившийся в моем компьютерном кресле – выпрямился, Тишка да Гришка, дрыхнувшие на его коленях – завозились и проснулись, Маша, читающая на диване – отложила книгу, а Михалыч просто насупился.

Я сел за стол и кивнул Олёне и Аристофану, чтобы тоже присаживались и начал:

– Ну что, дамы и господа мои, Канцелярия. Дал нам Кощей-батюшка новую задачу. Завтра отправляемся в Лукошкино.

Тишка да Гришка жалобно заскулили и прижались к Дизелю, обхватив его ребра маленькими лапками.

– О сути задания поговорим чуть позже, а пока хочу вам представить Олёну. Она будет действовать с нами, а точнее – параллельно нам. Сейчас коротко о событиях в Лукошкино. Как вы знаете, Олёна, самостоятельно подготовив сложную операцию, прикончила-таки, – тут я подмигнул незаметно Михалычу, – участкового Ивашова, нашего давнего врага. Расскажи нам, красна девица, как это ты всё провернула?

Олёна после обещаний Кощея пришла в себя и была довольно оживлена и вот сейчас, радостно улыбнувшись, она сказала:

– А я накачала яблочко ядом, что мне дедушка Михалыч сделал, и подсунула участковому на окошко в спальню, он, дурачок и съел его. Ну, вот и...

Тишка да Гришка залезли внутрь Дизеля и посматривали на нас сквозь его ребра, будто из темницы. Маша поморщилась. А дед вздохнул:

– А как же ты, девка, в терем-то бабкин пробралась?

– Ой, да это совсем легко было! – засмеялась Олёна. – Я наняла бесов, они всё и сделали. У меня и шапка-невидимка есть, но она даже и не понадобилась.

– Бесы? – удивился Аристофан. – Мои, что ли, в натуре?

– Ну что ты, рогатенький! Пришлые какие-то, работали в Лукошкино, лохов стригли, вот я на них и вышла.

– А сколько их? – поинтересовался я. – И где же они там работали?

– Трое, батюшка. Нашли они колбасника одного, который свиней держал, а в соседях у него квасник, что квас делает. Так бесы-то ночью забор между ними валили и кваснику весь хрен, который он для кваса растил, копытами своими вытаптывали мол, свиньи соседские забор проломил. А днём подряжались к этому кваснику этот же забор и чинить.

Ну да, на бесов это было очень похоже. И напакостить и подзаработать.

– Бесы же ловкие, юркие, – продолжала Олёна, – где угодно проскользнут незамеченными, вот и подложили участковому яблоко отравленное.

– Понятно.

А она вдруг залилась звонким смехом:

– Теперь, поди, в Лукошкино поспокойней будет без милиции-то!

– Ладно. А с мечом что там?

– А про меч, батюшка, я случайно узнала. Мол, хранится такой в подвалах царских, ну и послала бесов своровать его. Только не смогли они дверь открыть, больно крепкая, да замок мудрёный. В скважину замочную только и разглядели, что стоит там то ли короб, то ли гроб прозрачный, а блестит, будто из хрусталя или стекла сделан. А внутри его как раз

меч и виднеется.

– Ясно. И последнее – что там с сестрой Гороховой?

– Молодая дурочка. Всё детство в монастыре провела, теперь к Гороху заявила, замуж хочет. Начиталась книжек и подавай ей теперь принца на белом коне. Вредная, капризная, крутить ей можно, думаю, как угодно.

– Ну, тоже понятно. У кого-нибудь есть вопросы? Нет? Хорошо. Спасибо, Олёна, иди, собирайся, завтра в Лукошкино отправляемся.

Бесовка встала, поклонилась мне, Михалычу и покинула нас.

– Ну что скажите, Канцелярия?

– Фи. Мне, мсье Теодор, эта мадмуазель не нравится, – скривила носик Маша.

– Аналогично, Маш.

– Это... босс. Надо бы с бесами теми побазарить, – Аристофан покрутил у себя под носом здоровый волосатый кулак. – Чё за дела, в натуре?

– Завтра прибудем в Лукошкино, разберемся.

– Так я с тобой, босс?

– Ага. И бойцов твоих прихватим. Сейчас подумаем, всех или несколько. Михалыч, а ты что скажешь?

– А что говорить-то? Ты нам, внучек, еще ничего и не сказал, токма девку эту показал.

– А про неё, что думаешь, дед?

– Охохошеньки... – протянул Михалыч. – Досталось дев-

ке в жизни, эт точно. Видать припекло ее так, что вона на какие страсти решилась. Не суди её, внучек, всякого судьба скрутить может.

– Ну, верно, деда. Посмотрим, как она дальше себя вести будет, а пока близко ее к нам подпускать не стоит, думаю.

Все одобрительно закивали, а я перешел к основной части.

– Расскажу – не поверите! Но задумал наш Кощей создать воздушные войска!

– Ведьмы на мётлах?

– Горыныч?

– Шамаханов с катапульты через стены забрасывать?

– Не угадали. Будем строить летучий корабль!

– Это... босс... А нас на нём потом покатают?

– Ну, Аристофан, – я развел руками. – Сначала построить надо.

Оживившиеся было Тишка да Гришка, снова залезли внутрь Дизеля.

– Именно мы строить будем, мсье Теодор?

– Не переживай, Маш, вряд ли тебе придется топором и рубанком махать.

– Внучек, а как строить мы знаем?

– Молодец, деда, правильный вопрос. Горох знает, а мы должны у него чертежи этого корабля и позаимствовать.

– Я так и знала, – махнула рукой Маша. – Начинается всё хорошо, а на самом деле оказывается бардак.

– Ну как бы то ни было, а тайно отправляемся в Лукошкино. Будем планировать захват чертежей, а одновременно создадим базу для постройки корабля.

– А чавой-та, внучек, в самом Лукошкино строить надумали-то? У нас бы оно поспокойнее было бы.

– Не знаю, Михалыч. Думаю, Кощей на всякий случай не хочет далеко от мастеров Гороховых удаляться. А может и просто хочет после постройки красиво так взлететь прямо из центра города. Пойди, пойми его, таинственного нашего. Но делать корабль будут в городе.

– И на кой он ему вообще сдался, корабль ентот?

– А вот это – уже следующий вопрос и очень тайный. Слышишь, Аристофан? Не вздумай бойцам своим проболтаться!

– Да я, босс, могила! Да что б я, блин...

– Ладно, – отмахнулся я от него. – Короче похоже на то, что Кощей надумал воевать Змея. Не Горыныча нашего, а того, фон Дракхена. Все слышали про такого?

В Канцелярии воцарилась тишина.

– Я, мсье Теодор, уточнить желаю, – нарушила тишину Маша. – Речь идет про того самого Змея, который, очень большой, ест всех подряд и девушек ворует для личных целей, а потом всё равно их ест?

– По описанию похож, – кивнул я.

– Это большой-большой такой, да мсье Теодор? – уточнила зачем-то Маша.

– Ну да, наверное, я сам не видел. Ну, фон Дракхен.

– Я же совсем забыла! – вдруг всплеснула руками наша вампирша. – Письмо от тетушки Катарины пришло.

– При чем тут письмо? – удивился я.

Но Маша уже бросилась к дивану, на котором оставила книгу и, вытащив из нее листок бумаги, показала мне изда-лека:

– Тетушка срочно просит приехать к ней в Каталонию. Пишет, что довела её инквизиция своими придирками до хронического атеросклероза, говорит, что совсем плоха стала и проститься хочет. Придется вам без меня.

– А ить, внучка, я с тобой! – заявил дед. – Негоже молодой девке одной в такой дальний путь отправляться. А заодно на целительные грязи в Хранцию заверну, спину подлечить. У меня отпусков, не отгулянных, за пять лет накопилось.

– Вы чего? – оторопел я.

– Да и ты бы, внучек, с нами бы поехал. Али еще куда по-далее. В Африках сейчас хорошо, говорят. Бегемоты ихние, вот такие морды себе наотъедали, нешто тебе там хуже бегемота будет?

А ну, понятно. Есть у моих соратничков такая первая реакция на опасную ситуацию: бежать куда подальше.

– А ну, отставить панику! – рявкнул я, а потом уже добавил помягче: – Машуль, дедушка, вы чего задержались? Мы же еще и не такие дела проворачивали. Вон, страшно сказать, самого Вельзевула так приложили, что ему до сих пор, небось икается в его пекле. Ай-яй-яй... Не стыдно?

– Не очень, внучек.

– Это вы мсье, просто Змея этого не видели.

– А ты видела?

– А мне и рассказов о нём хватило, мсье Теодор.

Я вытащил из пачки бумаги два чистых листа и положил их на стол:

– Ну, пишите тогда заявления по собственному желанию. Мол, так и так, страшно стало, хочется жизни мирной. Подписывайте и дуйте в бухгалтерию за расчетом. А мы с Аристофаном одни пойдем, да, Аристофан?

– В натуре, босс. Только не одни, а еще ребят моих возьмем, они хоть и не герои – бояться тоже будут, но на дело пойдут без базара.

– Ну, я другого от тебя ничего и не ожидал, Аристофан. Пойдем к твоим бойцам, у них посидим, пока наши коллеги бумажки писать будут. Чтобы с мысли их не сбивать.

Я обнял беса за плечи и повел к выходу.

– Мсье Теодор...

– Внучек...

– Что? Карандаши вам забыл дать? Так это я сейчас.

– Ладноть, Федька, брось. Ну, запаниковали, с кем не бывает? Давай, внучек, садись и обскажи нам подробнее про дело енто.

– Действительно, мсье Теодор, вам бы только поскандальить. Рассказывайте уже.

Вот то-то же.

– Как там Кощей-батюшка воевать со Змеем задумал, я не знаю, да и знать пока особо не хочу. Нам же надо подбраться к чертежам этим, умыкнуть их и построить по ним корабль.

– И всего-то, мсье Теодор?

– Ой, Маш, да у нас прошлое дело с демонами куда как сложнее было. Справимся. А, Михалыч?

– Ну а кудыть мы денемся? Тут же как: или справимся или порешит нас царь-батюшка.

– Ну, вот и договорились, значит. А сейчас давайте прикинем хотя бы в общих чертах. Чертежи эти выкрасть мы пока не знаем как. Прибудем в Лукошкино, осмотримся и будем думать.

– Может майор наш бравый, Калымдай, сподмогнёт?

Калымдай – это очень интересная личность. В деле с демонами сыграл крайне важную роль, взяв на себя и разведку, и диверсии, и просто безопасное внедрение в лукошкинскую среду. Калымдай был шамаханом. Но только от обычных шамаханов, которые больше всего смахивали на татаро-монгольских агрессоров, что внешностью, что повадками, он отличался и очень сильно. Закончив военную академию у Кощея, Калымдай стал вполне грамотным офицером, растерял, по крайней мере внешне, шамаханские привычки и даже разговаривал без обычного акцента, ну, знаете, моя-твоя не понимай, да всэх убиём, всэх зарэжэм! Кроме того, умел Калымдай и менять свою личину. Пошепчет что-то и

перед вами уже не шамахан, а, к примеру, самый настоящий царь Горох. Кстати именно это он и проделал на финальной стадии нашей операции – подменил собой Гороха и вполне успешно. Ну и роту свою он лично выдрессировал, бойцов воспитал элитарных, с рядовыми ордынцами даже сравнивать нельзя было.

– Интересная мысль, деда. Я даже не в курсе, где сейчас Калымдай, выясню у Кощея.

– А где мы там жить будем, мсье Теодор? – поинтересовалась Маша.

– Ну, можно на том же постоялом дворе остановиться, что и в прошлый раз. Хозяин там уже лучший друг Михалыча.

Дед захекал. В прошлый наш визит мой дед отрывался на этом хозяине, как только мог и довел беднягу почти до нервного срыва. Да какой там «почти»? До срыва и довел. Дед умеет.

– Там грязно и амбре далеко не шарман, – Маша наморщила носик.

– Ну, на месте решим, Маш. А вот где мастерские устроим?

– Да что сейчас-то гадать, внучек? – пожал плечами дед. – Тоже на месте поглядим.

– Верно. Кстати, кто-нибудь разбирается в чертежах да плотницком, да столярном деле?

Маша сказала своё дежурное «Фи».

– Чертежи знаю, внучек, только я больше по железу рабо-

тал.

Михалыч у меня, кстати, не просто дедушка на подхвате, который закармливает меня как на убой. В молодости Михалыч был медвежатником, ну, тем, который сейфы вскрывает. Вся свою жизнь прогастролировал по Европе, а под старость, завязав, пристроился у Кощея на службе. Между прочим, и сам Кощей одно время у Михалыча в учениках числился, слесарное дело изучал. А дед мой, завязав, всё равно остался авторитетом в воровском мире. Да и вообще у всех остальных пользовался уважением. Почему я его моим дедом называю? Да он мне и правда, как родной стал. Сам он семьей так и не обзавелся, а как я сюда попал, сразу окутал меня теплом и заботой за что я ему очень благодарен и воспринимаю его как родного дедушку.

– Это... босс, мои бойцы на подхвате в натуре справятся, – Аристофан гордо задрал к потолку нос-пяточек. – Ну, типа доски постругать, попилить или еще что, это без базара.

– Отлично! Только еще всё равно надо будет мастера поискать, а то мы сами там такого понастроим...

– Тоже на месте думать будем, внучек, – рассудительно молвил дед. – А с девкой ентой Олёной, что делать думаешь?

– Даже не знаю, Михалыч. Бок о бок работать с ней душа не лежит чего-то, но Кощей велел с собой её взять да приглядывать.

– А мы, внучек, дадим ей жуть какое важное задание, – дед снова захекал. – И пусть в сторонке от нас крутится, работу

свою делает.

– Ну, вариант.

– Про Калымдая, Федь, не забудь у Кощея-батюшки вы-
знать.

Я вспомнил Гюнтера и содрогнулся.

– Деда, а давай ты сам к Кощею сходишь? У меня еще
столько дел...

Маша фыркнула, дед хихикнул, а Аристофан впечатал ку-
лак в ладонь:

– Давай, босс, я с тобой схожу в натуре?

– Деда?

– Ой, Машенька, внучка, смотри, как Феденька наш за-
смущался! Ну, чисто красна девица перед свиданием!

– Вы, дедушка Михалыч, ничего в романтической люб-
ви не понимаете. Два галантных кавалера, это же такой шар-
ман...

– Да ну вас... – я обиделся. Ну, сколько можно меня этим
Гюнтером подкалывать?

– Ладно, внучек, схожу я к Кощею.

– Ладно...

– Но если что передать своему хахалю надумаешь, пись-
мишко там надушенное али цветочек аленький, то ты только
скажи...

– Михалыч! Иди ты!..

– Иду, внучек, уже бегу.

– И кстати пока все здесь. Ремонт...

Договорить я не успел. Михалыч громко хлопнул дверью, Маша умчалась в свою комнату, Дизель заковылял в генераторную, а Тишка да Гришка так и остались висеть внутри его грудной клетки, отчаянно цепляясь за ребра, но успевая при этом корчить мне рожицы. Один Аристофан не двинулся с места, только вздохнул.

– А всё равно ремонт будем делать! – проорал я в воздух, а потом, уже сбавив тон, сказал Аристофану: – Ладно, готовь своих бойцов, завтра отправляемся.

– В натуре всех?

– Ага. Раз там стройка века намечается, то лишним никто не будет.

Аристофан ушел, а я не успел сесть за компьютер, как снова отворилась дверь. Вернулся дед, да не один.

– Калымдай! – обрадовался я. – А тебя, какими ветрами к нам занесло?

– Здравия желаю, господин генерал! – Калымдай протянул мне руку.

– Вольно, майор. Отставить эти армейские штучки и садись, давай, садись!

Калымдай, улыбаясь, сел за стол и потянул из своего походного рюкзака бутылку коньяка. Вторую, третью, четвертую...

– Ого! Ты что это затеваешь, дружище?

– Ну, за встречу. А потом, за звание мое новое я так и не проставился.

– Уважительная причина! – одобрил дед. – Тишка, Гришка! Подь сюды, проказники!

Тишка да Гришка выросли как из-под земли и вытянулись перед дедом по стойке смирно. Прямо в тему, если бы Тишка не показал мне язык, а Гришка – Калымдаю.

– Вот что, оглоеды, сейчас бегите живо на кухню и попросите у Иван Палыча еды для маленького застолья. Да уважительно просите, архаровцы, с поклонами! И если будет у него желание, пусть тоже к нам присоединяется. Всё ли поняли? Тогда марш!

– Машуля! – крикнул я. – Смотри, какой гость к нам явился!

Маша опасливо выглянула из своей комнаты, очевидно подозревая, что я под выдуманым предлогом опять заведу речь о ремонте, но увидев нашего майора, радостно взвизгнула и повисла у него на шее:

– Ах, какой шарман, шевалье Калымдай! Как я рада вас видеть, мон ами!

Когда первые эмоции от встречи слегка стихли, я спросил у Калымдая:

– А ты к нам как попал-то?

– Да я же отпуск получил внеочередной за то наше дело с Вельзевулом. Ребята мои по домам разошлись, а я потыкался немного в Орде, ну не моё это, не могу уже я с ними, да и подался сюда вас проведать. А после, может, еще куда направлюсь.

– Ну и отлично! Только мы завтра на новое задание уходим. В Лукошкино.

– Да ну? А что там приключилось? Если не секрет, конечно.

– Для тебя – не секрет. Большое дело там затевается, долго объяснять, но первоочередную задачу скажу. Надо у Гороха чертежи тайные, военные выкрасть.

– Вот как? – он задумчиво забарабанил пальцами по столу. – А меня с собой не возьмёте?

– Серьёзно? Было бы здорово, Калымдай, но ты же в отпуске.

– Да ну его в болото такой отпуск. Я или сопьюсь или с тоски сгину. Давайте я с вами, Федор Васильевич?

– Ох, да я только рад буду. Давай, конечно!

– И вот за это – надо выпить! – дед расставил стаканы.

Хорошо мы посидели, душевно. Хотя и многовато коньяка было. И самогона, который притащил дед, когда закончился коньяк. Я конец веселья, плохо запомнил, так, обрывками. Помню, что Калымдай с Машей затеяли бороться на руках на шелбаны. Кто там выиграл, не помню, но судя по синяку на лбу Калымдая, похоже Маша.

Дизеля помню, как он повязал себе на голову платок, а дед вокруг него наярывал в присядку, а Тишка да Гришка, отбивали им ритм ложками по кастрюлям.

Аристофана помню, который почему-то пихал мне кулаки под нос и орал мол, босс, пошли Гюнтеру рожу начистим.

Ох... Мы же еще увели с конюшни здорового черного жеребца. Калымдай гонял на нем по центральному коридору, показывая бесенятам как правильно надо стрелять из лука на скаку, выставив в качестве мишеней с десятков тут же пойманных монстриков. Надеюсь, не попал ни в кого.

В общем, праздник удался.

* * *

Утром меня разбудил конь.

Нет не галлюцинация. Тот самый громадный и злощипый жеребец Кощея, с громким хлюпаньем пил воду из большого кубка, заботливо поставленного кем-то около моей кровати.

– Уйди, животное, – прохрипел я, с жадностью потянувшись к кубку, но едва успел отдернуть руку от громко клацнувших зубов.

– Паразит... – прошипел я, с трудом подымаясь и оглядываясь в поисках одежды.

Воевать с этим монстром мне совсем не светило. Конь только улыбнулся мне. А может и оскалился.

Я, кое-как одевшись, по стеночке вышел в кабинет.

Ага, Михалыч храпит на диване, а на его животе, качаясь вверх-вниз от его дыхания, дрыхнут Тишка да Гришка. Порядок.

Дизель, намертво примотанный веревками к моему креслу, жалобно поглядывает на меня. Надо объявить благодар-

ность тому, кто догадался не дать ему запустить генератор на рассвете.

Маша с Калымдаем валетом спят на столе. Маша закинула ноги Калымдаю на грудь и во сне морщит носик, который чуть ли не уткнулся в сапоги майора. Маша у нас капризная. Ну, армейские сапоги, ну не Шанель номер пять, ну и не нюхала бы ...

От этих рассуждений меня оторвало глухое мычание сбобку. Нет, слава всем богам, не корова, хотя наши могли и корову притащить в Канцелярию, жеребца же притащили.

Это мычал Гюнтер с кляпом во рту, плотно примотанный лицом к лицу к статуе какой-то обнаженной античной красотки, наверняка утащенной из картинной галереи Кошея. Надо понимать – для привития правильного вкуса.

– Да что ж ты так громко?! – просипел я. – Тише, а то остальных разбудишь.

Кваску бы... Найди тут квас этот сейчас. В ванную срочно, там воды хоть залейся.

Воды в ванной комнате не было, но был Аристофан. В той самой ванной.

– Аристофан, вылезай, – попросил я. – Водички дай попить.

– Это... босс? – спросил он, не открывая глаз.

– Я-я, – на немецкий манер ответил я ему. – Вылезай.

– Без базара, босс, – так же, не открывая глаз, четко сказал бес, потом просунул руку за спину, покопался и достал из-

под себя гриф от балалайки с печально висящими струнами.

– Аристофан, – предупредил я. – Я включаю воду, пить очень хочется. Кто не спрятался – тот утоп.

Бес с натугой подтянулся и перевалился через край ванной, так и не открыв глаз и рухнул на кафельный пол:

– В натуре, босс. Хр-р-р...

Водичка! Я и напился вволю и умылся и сразу почувствовал себя лучше. Вот зачем мы вчера так наотмечались?

Вернувшись в Канцелярию, я чуть не уткнулся носом в подрагивающую спину Кощея. Царь-батюшка изволили мерзко хихикать, чему я очень порадовался. Мог бы и молниями садануть или просто мечом своим любимым.

– Ваше Величество, здравствуйте.

– А, Федька! Погуляли вчера, значит?

– Да мы по чуть-чуть, – засмутился я и поковырял гранитный пол носком кроссовка. – Калымдай проставлялся. Святое дело.

– Тьфу! Святое... За языком-то следи.

– Виноват, Ваше Величество.

– Именно, – Кощей вдруг снова захихикал. – А Горыныч-то уже прилетел, пора вам в путь. Подымай свою банду и марш на выход!

Охохошеньки...

– Может через часик, Ваше Величество? – заныл я. – А лучше – через пять.

– Па-а-адъём! – заорал Кощей во всю глотку.

Ага. Ну, Калымдай у нас человек... тьфу ты! шамахан – военный, он сразу вскочил и стал по стойке смирно, хотя глаз и не открыл. Маша почесала ногой ногу, Михалыч перевернулся на другой бок, Тишка да Гришка сползли с него и недовольно захныкали. Правда, Дизель сделал попытку встать, но без особого успеха, да Гюнтер замычал жалобнее обычного.

Глаза у Кощея начали менять цвет с синего на красный и я поспешил отвлечь его:

– Государь, а что нам с Марьяной этой делать? Ну, с сестричкой Гороха.

Кощей развернулся ко мне и я с удовлетворением отметил, что глаза снова светятся синим.

– За Марьянку не беспокойся пока. Там сейчас мой слуга фон Паулюс, под видом жениха склоняет её к побегу.

– В монастырь? – хихикнул я.

Кощей, к моему удивлению кивнул:

– В монастырь. Пока. А потом сюда её привезет.

– А вам она тут зачем?

– Женюсь по настроению пару раз, а там видно будет. Может, Гороху обменяю на что полезное.

– Ну как скажете, Ваше Величество, понятно.

– А раз понятно, то час вам на сборы, а я пока распоряджусь Горыныча покормить.

И царь-батюшка, слава богам, покинул Канцелярию.

Не буду вам рассказывать, чего мне это стоило, но через час вся Канцелярия, Калымдай и бесы во главе с Аристофа-

ном, выползали на солнечную лужайку перед дворцовыми воротами на которой, брюхом кверху валялся сытый и довольный Горыныч.

– Здорово, Михалыч! – пропищала левая голова.

– Машуля, любовь наша! – пробасила правая.

– Как жизнь, Калымдай? – поприветствовала средняя.

– И ты здравствуй, Горыныч, – обиженно сказал я, проигнорированный Змеем.

Горыныч перевернулся на лапы и три языка одновременно лизнули меня.

– А! Фу! Зараза! Тьфу! – отплевывался я, едва не задыхаясь от смрада. Языки-то там не как у котенка или даже собачки и прошлись они по мне снизу доверху. – Горыныч, жаба ты с крыльями! Ну чего ты творишь-то?!

Но Змей уже отвернулся от меня. Правая голова кокетничала с Машей, средняя что-то живо обсуждала с Калымдаем и только левая ехидно скалилась мне.

– На от, внучек, утрись, – дед протянул мне большое полотенце, выуженное из своего безразмерного кошелья на поясе.

Где дед урвал этот кошель я не в курсе, но он с ним не расставался. Удобная оказалась штучка, колдовская. И вместимость у кошелья очень даже – шесть пудов запросто помещались. Мы даже Машу в нем как-то транспортировали. И вот сейчас, Михалыч копался в нем, доставая по очереди полосатые деревенские штаны на веревочке, рубаху с расписными петухами на воротнике и стоптанные сапоги. Вот же...

Это мой наряд для маскировки в Лукошкино. Терпеть его не могу. Не Лукошкино, а наряд. А Лукошкино мне нравится и девушки там красивые... Это я уже говорил, пардон. Но девушки там и правда красивые.

Едва я успел переодеться, как из ворот выглянула Олёна. Ну вот, а я благополучно и забыл про неё.

– Федор Васильевич! – замахала она. – Идите сюда, пожалуйста.

Ну а теперь-то что? Мы так и до вечера не вылетим.

– Здравствуй, Олёна. Что случилось?

Но она уже скрылась в темноте коридора. Я пожал плечами и шагнул внутрь.

– Батюшка Секретарь, вот...

– Чего «вот»? – я пригляделся и хмыкнул. От ноги девушки, обхватив её петлёй, вилась полупрозрачная розовая веревка, другой конец которой держал в своей призрачной руке старый колдун Лиховид, зависнув по своей обычной манере под потолком.

– Здравствуйте, Лиховид Ростиславович, – вежливо поприветствовал я его.

С ним лучше быть вежливым. Древний колдун с еще дохристианских времен, силой раньше обладал великой, но перейдя в призрачное состояние практически её растерял. Хотя судя по увиденному, немного силушки у него осталось и это наводило на грустные мысли. Лиховид был довольно мерзким старикашкой и обожал совать нос во все дворцовые

дела, доводя своими ворчанием и советами до истерики даже Кощея. У меня в Канцелярии он появлялся редко, чему я был рад и ссориться со злопамятным колдуном мне совершенно не хотелось. Достанет же потом, постоянно зависая у нас под потолком и комментируя всё подряд.

– Что у вас тут? – деликатно поинтересовался я.

– Не пускает, батюшка, – пожаловалась Олёна, а колдун довольно захихикал.

– Лиховид Ростиславович, нам на чрезвычайно важное задание пора отправляться. Отпустите девушку.

– А шиш тебе! – захекал колдун. – Моя!

– Ну, Лиховид Ростиславович, – попытался урезонить его я. – Ну вы же призрак, бестелесная тварь... Э-э-э... Творец, то есть. Зачем вам Олёна?

– Нравится, – коротко ответил он. – Ладная девка, моя будет.

Даже вникать не хочу, что он с ней делать собирается. Может, заставит ему с утра до ночи поклоны бить, а может, оденет в восточные наряды и прикажет танец живота исполнять, извращенец старый. А мне на задание надо.

– Лиховид Ростиславович, – как можно строже произнес я. – Тут дело серьёзное, сам Кощей-батюшка в путь отсылает. Отпустите девушку, да мы пойдем.

– Шиш!

– А я сейчас Кощея позову!

– А зови! Что он, костлявый наш, мне сделает-то? Ась? А

вот и ничего!

– Зато я сделаю, – раздался спокойный голос деда у меня за спиной.

– Михалыч? – удивился Лиховид. – А тебе-то что?

– Сказано тебе – дело у нас спешное. Отпускай девку, Лиховид Ростиславович, а то...

– Ну, чаво сразу-то? – затараторил колдун. – Я ить может влюбленный! Может у меня эти... чуйства, вот!

Олёну аж передернуло.

– Лиховид Ростиславович... – снова начал я, но Михалыч отодвинул меня в сторону и стал напротив колдуна, уперев в бока руки.

– Ростиславыч, – тихо произнес он. – Не доводи до греха.

– Ну, чаво, чаво? – колдун отплыл по воздуху от деда. – Я мыслил ты мне друг, Михалыч, а ты вона как... Ну и ладно, ну и пожалуйста. Сам, небось, на девку глаз положил? Ну и забирай тогда. Помни мою доброту!

Веревка соскользнула с ноги Олёны и втянулась в Лиховида. Он обиженно отвернулся и поплыл прямо в стену, но перед тем, как полностью исчезнуть в ней, оставшаяся голова с длинной, чуть не до пола бородой, сказала:

– А всё одно – девка моя будет!

– Плыви-плыви, – проворчал Михалыч и сплюнул. – От же седина в бороду!

Мы двинулись к выходу, а я по пути, спросил у Михалыча:

– Деда, чего ты какой-то нервный? После вчерашнего еще

не отошел?

– Да не, внучек, – вздохнул он, – за Тишку да Гришку переживаю маленько.

Для присмотра за Канцелярией во время нашего отсутствия, Аристофан выделил из своей команды пожилого беса Долиросентабилуса, о, выговорил! Все его просто звали – Долби.

– Да ну, деда, не переживай. Долби – бес ответственный, солидный и за твоими баламутами присмотрит, и Дизеля по утрам остановит, да и вообще за порядком приглядит.

– Так-то оно так, а ить всё одно беспокойно что-то...

Мы вышли на лужайку и только тут, оглядев неровный покачивающийся строй бесов, я задумался. А как мы все на Горыныче-то поместимся? Бесов двадцать штук, да и нас еще четверо.

– Не переживай, босс, – успокоил меня Аристофан. – Мы в натуре своим ходом доберемся.

Оказалось, что у бесов есть какие-то ходы-выходы специальные, то ли под землёй идущие, то ли напрямик через пекло, но путешествовать по ним они могли практически мгновенно.

– О, здорово! – обрадовался я. – Так и я тогда с вами.

– Не рекомендую, мсье Теодор, – вмешалась Маша. – Хотя, если любите авантюры – дерзайте.

– А что такое?

– А что бесу хорошо, то человеку смерть, внучек, – пере-

фразировал известную поговорку Михалыч.

– Да ты что?! – я поёжился.

– Не, внучек, не смерть конечно, – захекал дед, – но голова часов пять адски болеть может или часов пять из нужника не вылезешь или...

– На Горыныче летим! – решительно прервал я его.

Бесы, тем временем захватив Олёну, отошли недалеко и вдруг стали один за другим нырять под землю. Я заморожено следил за ними и только тогда, когда Аристофан, идущий последним, исчез под землей, спохватился:

– Тьфу ты! Мы же не договорились, где встретимся там!

– Фи, мсье Теодор, это же бесы, – пожала плечами моя вампирша.

– Сами нас найдут, внучек, – успокоил дед, приноравливаясь, как бы половчее оседлать Горыныча.

– А ладно. Ну что, полетели?

И мы полетели.

Горыныч втянул свои шипы вдоль спины внутрь, он как-то рассказывал, что ему Кощей такое удобство сделал, и мы в относительном комфорте устроились на нём. Меня, конечно же, посадили спереди, хотя после первых полетах на Горыныче это уже не напрягало. Полет был сказочный во всех смыслах и сильного ветра даже при большой скорости не было.

Михалыч дрых у меня за спиной, Маша с Калымдаем возились и все время хихикали сзади, а я болтал как обычно

с Горынычем. Хотя скорее не болтал, а дремал в пол глаза и в пол уха слушал трагическую историю Горыныча и его первой и самой настоящей любви, произошедшей лет пятьсот назад где-то в Южной Америке, которую Горыныч называл Южной Западной Землей. Оказывается у дружка Горыныча, местного авторитетного бога Кетцалькоатля, тоже змея, между прочим, была чудесная, на вкус Горыныча, конечно, сестричка Малитукецаль, с которой у моего Змея и случилась любовь. Но так получилось, что в их идиллию вмешались другие боги, Эхекайлакаоцкатли, Тескатлипока и сам старина Миктлантекутли...

Дремать под такие имена оказалось просто замечательно, чем я и занялся, совершенно наплевав на эти южноамериканские страсти, лишь иногда поддакивая, чтобы Горыныч не обижался.

– ...я ему, прикинь, Федь, по рогам ка-а-ак врежу!

– А?.. Да ты что?! А у него и рога были?

– После встречи со мной уже не стало! А потом Тескатлипока с дрыном наперевес кидается ко мне...

Хр-р-р...

– Подлетаем, Федор Васильевич, – внезапно донеслось до меня и Змей, приземляясь, с печалью добавил: – А с Малитукецаль мы так больше и не виделись, эх...

– Да, Горыныч, жизнь... – посочувствовал я, слезая с него на знакомой мне полянке.

Распрощались мы жутко довольные друг другом.

– Ну что, – сказал я, с тоской поглядывая на лес. – Пошли по буреломам да оврагам?

– Ох, Теодор, – вздохнула Маша и вдруг, подхватив меня и деда, взвилась в воздух, распахнув крылья.

– Растудить... – начал Михалыч от неожиданности, но тут же одумался.

– Ой, класс, Машуль! Спасибо! – проорал я ей.

– Еще мешок яблок, мсье Теодор и мы в расчете. И кстати, а где мой первый мешок?

– А как же Калымдай? – забеспокоился я, резко меняя тему.

– Ну что вы, мсье Калымдай только ненамного от нас отстанет. Настоящий офицер, охотник. Он такой brutalный...

– Маша, у тебя посол есть, – напомнил я.

Не хватало мне еще любовного треугольника во время ответственного задания.

– Мой Кнутик – это настоящая любовь, мсье Теодор! А Калымдай...

– А Калымдай – наш боевой товарищ! – категорически заявил я.

– Ой, что-то руки устали... Просто сами разжимаются.

– Маша!

Не скучно полетали, хорошо хоть, не долго. Маша мягко опустила нас с дедом на землю на опушке леса, а сама тут же удалилась в кустики переодеваться в ненавистный ей са-

рафан. Обычно Маша щеголяла в черных кожаных штанах и такой же кожаной жилетке но, разумеется, мы ее заставляли перед выходом в люди, одеваться по местной моде. Ну что поделать, маскировка. Сам не от Версаче одет.

Скоро к нам присоединился и Калымдай. Я с завистью посмотрел на него. Даже не запыхался, чертяка. Всё, с понедельника бросаю жирное и мучное и начинаю утренние пробежки вокруг Лысой горы.

Дождались Машу и вышли на дорогу к Лукошкино. К моей печали попутных телег не было и пришлось с полчаса топтать своим ходом до ворот города.

А Лукошкино не изменился! Хотя, с чего бы ему меняться? Те же низенькие, поначалу одноэтажные домишки сплошь из дерева, а ближе к центру уже не домишки, а целые дома, а дальше уже и терема. И двухэтажные и изредка трёх. Базар как всегда голосистый, забит народом, товарами, запахами, криками продавцов. Всё как всегда.

Мы быстро миновали базар, оставив шумных торговцев позади и, приблизившись к двухэтажному терему бабы Яги, в котором располагалось отделение милиции, свернули в сторону к конспиративному дому. Это Калымдай еще пару месяцев назад, снял дом поблизости от милиции у хозяев, которые до зимы уехали в деревню. За домом следил некий Боров, эдакий детина с густой черной бородой, да и в целом откровенно бандитской внешности. Хотя пойдя тут по внешности определи, кто есть кто. На добропорядочного купца

иной раз глянешь и содрогнёшься, а какой-нибудь милый старичок, вроде моего Михалыча, за грошик медный прирежет. Нет Михалыч конечно не такой. Будет он ради грошика руки марать, как же.

Боров, как обычно, разыграл целый спектакль на показ всей улице. Он то кидался обнимать Михалыча, то радостно хлопал по спине Калымдая, принявшего облик простецкого мужичка, то махал мне и Маше, застенчиво стоящим в сторонке и изображающим из себя бедных родственников.

Наконец мы зашли в дом, где Боров тут же вернул себе довольно угрюмый вид, но Калымдай обрадовал его:

– Боров, иди сюда. Зарплату будешь получать? И аванс, кстати, за два месяца вперед.

Боров довольно закивал и заулыбался щербатым ртом, а мы уселись за большой стол в горнице.

Едва Боров притащил самовар, чашки и связку баранок, как в дверь застучали:

– Хозяин, в натуре купи козу! Задёшево отдам без базара!

– Аристофан, – выдохнул я, расслабляясь. – Надо же, как он быстро. Открой, Боров, свои.

В горницу вошел Аристофан ведя за собой на веревке натуральную белую козу. Облик он сменил, но по минимуму – убрал только свиной пяточок и немного сгладил черты лица. То есть морды. Хвост запрятал в широкие штаны, а на голову нахлобучил высокую фуражку, прикрывая рожки. Ему бы еще цветок на фуражку, да гармонь на плечо, ну вылитый

деревенский гуляка.

А коза, вдруг резво подпрыгнула и, сделав сальто в воздухе, обернулась Олёной. Во фокус, я и не знал, что она так умеет.

Борова отослали во двор возиться по хозяйству, а мы уселись за стол и я начал первое оперативное совещание нашей диверсионно-строительной канцелярской группы:

– Ну что, дамы и господа, с прибытием. Сначала обрисую вкратце поставленные перед нами задачи, потом обсудим их и перейдём к хозяйственно-бытовым вопросам.

– Жги, внучек! – закивал Михалыч, гордо обводя всех взглядом мол, вона как внук-то могёт!

– Первоочередная, но не самая спешная цель у нас – перемещение царских чертежей летучего корабля из одного места в другое.

– Спереть, значиться, – пояснил дед для непонятливых.

– Для того надо нам сначала просто узнать где эти чертежи хранятся и общую обстановку оценить в окружающем их месте.

– Я, Федор Васильевич, мог бы опять личину накинуть кого из бояр, да погулять во дворце Гороховом, – предложил майор.

– Хорошо, Калымдай, только побережем это для особого случая. Горох сейчас настороже. С колечком волшебным, небось, после прошлой нашей операции не растается, может и спалить тебя ненароком.

– Во дворце нам нужны свои глаза и уши, – заметила Олёна.

– Верно, Олёна, – согласился я. – Есть предложения?

– А как же! – улыбнулась она. – Я тут свела знакомство с девкой одной дворовой, которую Горох к себе в спальню таскает. Подружки мы теперь с ней.

– Молодец! Думаешь, сможешь через неё подобраться к чертежам?

– Со временем, батюшка, смогу. Но как быстро это произойдет, не ведаю.

– Надоть, внучек, Кощея нашего батюшку тоже к работе подключить, – заявил Михалыч, вертя в руках кружку с отломанной ручкой и подозрительно разглядывая её.

– Это как же, дед? Пусть на Горыныче посреди царского двора приземлится и чертежи себе потребует, а то мол, спалит царский терем на фиг?

– Пусть в зеркало свое колдовское почаще за Горохом смотрит, – парировал дед, протирая подозрительную кружку большим носовым платком, выуженным из кошелья. – Глядишь, и ползет Горох за чертежами ентими, а Кощей-то и подсмотрит где они.

– Дельная мысль, – согласился я. – Тогда, Михалыч, свяжешься с Кошеем и поставишь ему задачу, пусть пашет и не увиливает, а не то...

– Гхм...

– Шучу-шучу... от нервов это.

– А на вот тебе внучек баранку от нервов. И чайком запей.

– Спасибо, – теперь уже я с сомнением рассматривал кружку. – С чертежами значит, пока так и решим. Олёна будет через девицу эту легкого поведения, к ним подбираться, а Кощей-батюшка в зеркало поглядывать. Второй вопрос меч-кладенец. Велено... хм-м-м... экспроприировать его.

– Спереть, значиться, – снова пояснил дед.

– Мы знаем, что он в царских подвалах хранится за замком мудрёным...

Дед хмыкнул.

– Я знаю, Михалыч, знаю, что для тебя не открываемых замков не существует, но ты прямо сейчас можешь отмычку или что там еще, дать от этого замка?

– Посмотреть надоть, – зачесал в затылке Михалыч. – Так от сразу как сказать-то?

– Вот именно. А еще, помните – там и короб хрустальный вроде, в котором меч и лежит. Его тоже надо вскрыть, да без шума.

– Это легко, мсье Теодор, – удивила меня Маша. – Алмазом прорезается отверстие подходящего размера и всё.

– А у нас есть нужный алмаз?

Маша протянула ко мне руку и на ее пальцах блеснули два больших перстня:

– Оба подойдут, мсье Теодор. Первый мне подарил герцог Тулузский, когда я гостила у него в замке, а второй – у грессмейстера ордена Тамплиеров хранился и мне случайно

достался...

– Спёрла девка колечко, – снова влез дед с разъяснениями.

– Фи, дедушка Михалыч! – привычно возмутилась Маша и под шумок стащила у меня из-под руки баранку.

– Отлично, молодец, Машуль. С алмазами молодец, а не с баранкой, – уточнил я. – Отдай еду!

Ага, сейчас. Я печально проводил баранку в последний путь. В смысле – до Машиного рта и продолжил:

– Тогда остается сам замок.

– Мне тудыть самому надо, внучек попасть, – вздохнул Михалыч. – Одним бы глазком только глянуть.

– Дедушка Михалыч, – вмешалась Олёна. – А возьмите мою шапку-невидимку. Только верните потом.

Девушка покопалась в наплечной холщовой сумке и выложила на стол невзрачную шапочку похожую на тубетейку или ермолку какую.

– От и славно, внучка, – закивал головой дед. – Верну-верну, даже и не сумлевайся.

– И что, – усомнился я, – никто-никто деда не увидит?

– Только собаки учуять могут, да у котов еще глаз особо устроенный, враз заметят, – пояснила Олёна.

– Не бойсь, внучек, проскользну легко, как коньяк в пузо.

– Ну ладно. Тогда с этим тянуть не будем, сегодня же и надо сходить. Хорошо, деда?

– Легко, Федя.

– Следующий пункт, тоже неспешный, но уже надо гото-

виться к постройке летучего корабля. А это значит, что надо подходящее место найти для ангара – дом, там или сарай большой, да и мастер нужен, который и в чертежах разбирается и плотницкому делу обучен.

– Так Федор Васильевич, – заявил наш майор, подвигая Маше мою кружку с чаем, – есть у нас такой мастер прямо тут.

– Э-э-э... Чай-то куда?

– Фи, мсье Теодор! – возмутилась Маша, поспешно опуская в кружку длинный язык. – Вы же знаете, как это вредно есть всухомятку! Совсем не заботитесь о сотрудниках...

– Да пей, пей на здоровье... Так что за мастер-то, Калымдай?

– Да Боров же, хозяин наш тутошний. И не сомневайтесь даже, хороший специалист.

– Надо же удачно как. Хорошо, закончим, поговорим с ним. А он согласится-то?

– Да куда он денется, – засмеялся Калымдай. – Тем более мы ему и заплатим хорошо.

– Ну и славно. Теперь с самим сараем, что думаем?

– Есть тут один кожевенник, Федор Васильевич, – начал Калымдай. – Я к нему еще тогда присматривался, когда только начали создавать оперативную базу тут, в Лукошкино. У него дом большой, двор не малый, да сарай, думаю, подходящих нам размеров. Всё высоким крепким забором огорожено, да и месторасположение в самом центре города. На виду,

потому и внимания никто не обратит.

– Ну, звучит неплохо. А с ним как договориться-то?

– Думаю, не сложно будет. У него в последнее время дела плохо идут. Дошло до того, что он и своих работников распустил и в доме том один с семьёй остался. Дадим ему денежку хорошую, да и спровадим из города до зимы. Полагаю, он только рад будет.

– Возьмёшься за это, Калымдай?

– Так точно, сделаю.

– Есть еще вопрос с сестрой Гороховой, Марьяной. Только я не совсем понял, что от нас требуется. Надо ее к Кощею-батюшке переправить, но этим уже специальный человек занимается. Так что, мы только следим за его операцией и будем наготове. Так?

Все кивнули.

– Булавки-говорухи всем Михалыч выдал?

Все кивнули.

– Ну и бытовой вопрос: где жить-то будем?

– А пойдём-ка, внучек, на тот же постоянный двор? А что, место там тихое, нам знакомое, да и хозяин в нас души не чает, – хихикнул дед.

– Фи. Там пахнет, – заявила Маша, опуская пустую кружку на стол и оглядываясь, чтобы еще стащить.

Вегетарианцев не прокормить. Хорошо, их в мире мало, а то давно бы уже настал продовольственный кризис.

– Маш, тут везде пахнет. Ну что ты капризничаешь? И

заметь, у посла снова ты жить не будешь.

– Пуркуа это, мсье Теодор? Почему все вмешиваются в личную жизнь и мешают воссоединиться двум любящим сердцам?

– Ну, понесло девку, – хмыкнул Михалыч.

– А что там за любовная история? – заинтересовалась Олёна.

– Вампирша наша, – пояснил дед, – с послом немецким амуры крутит.

– Как здорово... – мечтательно протянула Олёна.

– Посол к нашим нынешним делам, – задумчиво протянул Калымдай, – никаким боком не касается.

– Маша, значит так, – подытожил я. – Заселяешься с нами на постоянный двор, а в свободное от работы время можешь изредка бегать на randevу с Кнутот Гамсуновичем.

– Деспотизм и тирания, мсье Теодор! – для проформы заявила Маша, но было видно, что её такой расклад устраивает.

– Они самые, Машуль. Калымдай, ты с нами в гостиницу?

– Я, Федор Васильевич, лучше тут с Боровом останусь. За милицией присмотрю.

– Хорошо, договорились. Аристофан, ты как со своей бандой?

– А чё сразу с бандой в натуре? Отряд у нас чисто боевой такой.

– Отряд так отряд. Так что? Где вы обоснуетесь?

– Да мы, босс, пока так перекантуемся в натуре, а как домик тот с сараем под себя погребем, так мы без базара в него и заселимся.

– Ну, смотри... Ну что, соратнички, есть еще вопросы, предложения?

– Обмыть ить надо прибытие сюды...

– Надо, мсье Теодор, на базар сходить, яблок и пряников на постоянный двор завести побольше, а то там мясо да мясо...

– Михалыч, никаких обмываний! Маша, сама сходи и купи, что надо. Вон у Аристофана бесов возьми в помощь. Только полбазара не скупай!

– Фи, мсье Теодор! У меня организм растущий, мне много еды надо!

– Да ешь на здоровье только потом не жалуйся, что организм в стороны расти начал, – отмахнулся я от нашей вегетарианки.

– Это... босс. Я еще тех бесов поищу пришлых, что участковому отраву подсунули.

– Дело, Аристофан, молодец.

– А я, Федор Васильевич, пойду с Боровом пообщаюсь да в кожевенную лавку наведаюсь.

– Отлично, Калымдай.

– Батюшка, я тогда во дворец к подружке Гороховой пойду.

– Замечательно, Олёна. А ты, кстати, где жить думаешь?

С нами в гостинице?

– Нет, батюшка Секретарь, я пока с бесами нашими, а если выгорит дело с лавкой кожевенной, так туда переселюсь. Не хочу на глазах у всего города светиться.

– Хорошо. А кстати, а с теми чужими бесами ты связь потеряла?

– Сговорились мы не встречаться на всякий случай, пока они работу свою не выполнят, участкового не уморят.

Кстати, надо бы Калымдая попросить узнать, как там участковый.

– Ну, за дело тогда, Канцелярия!

Аристофан с Олёной быстро исчезли, Калымдай пошел поговорить с Боровом, а мы решили подождать результатов их переговоров, а пока лениво обсуждали проникновение в царские подвалы.

– Михалыч, может отсюда и сходим во дворец Гороха, а потом уже и на постоялый двор?

– Можно и так, внучек, только тебе подкрепиться бы надоть. Рухнешь где-нить с голодухи на полдороги и тащи тебя потом.

– Ох, дед, ты опять за своё? Недавно же ели, да я еще вон, чаю почти попил, почти с баранками.

– Ить не еда енто, – отмахнулся дед. – Нормальная еда это – мясо. Правильно, Машуль?

– Вы, мясоеды, никогда не перестанете губить природу и убивать несчастных зверушек лишь бы набить свои животы

антрекотами да бифштексами с кровью, – сглотнула слюну Маша, видимо вспомнив былые дни.

– Ну да, ну да. А вот, лет десять назад, ты, внучка, не только зверушек кушала, но и человечинкой не брезговала, а?

– Исключительно по необходимости! То, дедушка Михалыч, была черная страница в моей жизни. Мы скоро на базар за пряниками?

– А кстати, Маш, – вмешался я в их разговор. – Ты на базар не передумала идти? А то сейчас Аристофан со своими бесами как умотает куда-нибудь и будешь ты сама с корзинами еды таскаться.

Ответить Маше помешал вошедший с Боровом Калымдай:

– Позвольте представить вам нашего мастера, говорит, обучен с чертежами обращаться.

– А чего ж, – прогудел Боров. – И чертежи могём и топором орудуем...

– По ночам из-за угла? – хихикнул дед.

– И так тожеть могём, – солидно подтвердил бородач. – Однако одному трудновато будет – я братца своего, Свина в артель возьму.

«Боров и Свин, столярные работы?», – хихикнул я про себя, а вслух сказал:

– Хорошо, действуй. По деньгам сговорились?

– Не обидели, – кивнул Боров.

– Вот и славно. А за хорошую работу, еще и от себя лично

премию гарантирую.

Боров расплылся в жутковатой улыбке, закивал и вышел из дома. А за ним и мы разошлись. Мы с дедом в царский терем, Маша – всё-таки на базар и в гостиницу, а Калымдай взялся её проводить, заодно послушать новости да сплетни рыночные.

* * *

Мы с Михалычем стояли в переулке и по очереди выглядывали из-за угла, обозревая царский дворец и так же по очереди, чесали в затылках.

– И не сказать ить, что тупые мы с тобой внучек, а вишь как оно получается...

– Да, дед, что-то не продумали мы всё толком.

Проблема была в том, что попасть Михалычу на царский двор ну никак не получалось даже в шапке-невидимке. Забор был высоченный, ворота охранялись стрельцами и даже и не думали открываться. Торжественной делегации из ООН или на крайний случай из Мозамбика, для которых ворота распахнули бы, тоже не наблюдалось.

Мы для очистки совести даже обошли кругом весь дворец. Нет никаких лазеек, открытых нараспашку калиток или подкопов под забором. И как только стрельцы в ларёк бегают за водкой?

– Может, подсадишь меня, Федь?

– Дед, да Федя ведь у тебя не великан. Забор-то метров десять в высоту будет. Хочешь, я тебе штакетину выломаю, а ты прыжки с шестом устроишь? Я тебе в ладоши похлопаю. В любом случае похлопаю, если даже не долетишь и в забор влепишься.

– Что это ты ить злой такой, внучек?

– Нервы.

– А эти твои нервы – от недоедания! – авторитетно заявил Михалыч. – Вон-ка глянь, Машка наша какая злющая, а почему? А это всё от морковки да капусты.

– У тебя, дед, все болезни от недоедания.

– А разве оно не так?

– Ой, Михалыч, завязывай про еду, – что-то и правда есть захотелось. – Ты лучше скажи, что делать-то будем?

– А давай стрельцов прирежем?

– По-тихому, да? Чтобы никто тут в центре города ничего и не заметил. Что ты, дед, кровожадный у меня такой сегодня?

– Так и у меня нервы, внучек, – вздохнул Михалыч.

Не буду больше его нервировать.

– А давай, внучек, ты стрельцам скажешь, что к Гороху тебе срочно? Они калитку тебе откроют, я и проскользну незамеченным.

– А что каждый вот так может подойти и сказать мол, к Гороху дело есть?

– Сказать-то каждый может...

– То-то и оно...

– А скажешь им, что ты посол князя Тмутараканского.

– Дед, тебе меня совсем не жалко? Ну, пропустят они меня, если даже поверят, ну поставят перед Горохом и что?

– И всё, внучек.

– Вот именно.

– Зато я зайчиком проскочу за тобой, выполню Кощеево задание, а он мне за это медаль даст. А может и денег даже отвалит. Ты, внучек не сумлевайся, поминки по тебе я о-го-го какие отгрохаю!

– Добрый ты у меня, дед...

– А то!

– Ладно, хватит думать, надо действовать. Одевай-ка, Михалыч шапку-невидимку и шагай тихонько за мной, а я стрельцам зубы попробую заговорить.

– Лучше – выбить. А я бы под шумок, пока тебя пинать будут...

– Дед!

– Ладноть, ладноть... Это я так, для креативу.

– Ух, какие ты слова знаешь!

– С тобой поведешься... – пробурчал Михалыч, потом выудил из кошелька Олёнину тубетейку, напялил на голову, повернул и исчез.

Я уже должен был привыкнуть ко всем этим колдовским штучкам, но сейчас, открыв рот от удивления, заозирался по сторонам пока меня не привел в чувство ехидный голос деда:

– Да тут я, внучек, тут, чего в забор пялишься? Али слово интересное на ём увидел?

– Классная штука! Ладно, деда, давай за мной и лови момент.

– Ужо я его поймаю, не сумлевайся, внучек! Поймаю и по почкам ему, по почкам!

– Дед, что это ты расшалился?

– Нервы, внучек.

– Молчу-молчу...

Я вдохнул-выдохнул и, решившись, медленно вышел из-за угла, неторопливо направляясь к воротам дворца. Рот я распахнул пошире, головой вертел во все стороны, а глаза раскрыл в восторге и удивлении. Надеюсь, я был похож на деревенщину, впервые попавшего в город. Подходя к воротам, я всё выше задираю голову, не спуская глаз с резного конька на крыше и, разумеется, споткнулся и грохнулся под довольный хохот часовых. Смущенно поднявшись, я стал отряхивать штаны от пыли, но замер, наткнувшись рассеянным взглядом на стрельцов.

– Ух ты... – восхищенно протянул я, обходя стрельцов то с одной стороны, то с другой. А те откровенно скалились и перемигивались, получив небольшое развлечение.

– А вы ж дяденьки, небось тут самые главные енералы, а? Али воеводы царские?

– Я – генерал, – подтвердил рыжий стрелец, – а вот он – воевода. Это ты точно подметил, малец!

– Я тоже генерал! – обиделся вдруг его чернобородый напарник.

– Генерал-воевода?! – восторженно взвизгнул я.

– Не, – поправил меня рыжий, яростно мигая напарнику, – сегодня он простой воевода, а завтра воеводой буду я, а он – генералом.

– Ух, как сложно-то всё, дяденьки! Недаром мне дед говорил мол, воинская премудрость, она самая наиглавнейшая в мире!

– Мудрый дед у тебя, – похвалил рыжий. – А ты отколь тут такой взялся?

– Так из деревни Гадюкино я!

– Ну, я так и подумал, – хохотнул рыжий.

А чернобородый задумчиво протянул:

– А где енто такая деревня? Что-то я и не слышал про такую...

– Ну как же, дяденька главный воевода, – даже обиделся я. – Да Гадюкино в наших краях усе знают!

– Так, где же енти ваши края находятся-то, дубина?

– А! – я закивал головой. – Так это как выйти из города, да Смородину перейти по мосту, так еще три дня лесом – туда, – я махнул неопределенно рукой. – А потом мимо речки Вонючки еще день вниз по течению, а там уже, аккурат, после Жабино и Толстохреновки и наше Гадюкино будет! Как увидите пастуха нашего, дядьку Митяя, так у него сразу спросите, он вам враз дорогу-то и укажет!

– Обязательно спрощу, – пообещал чернобородый. – А ты как в город попал?

– Да тятка корову продать надумал, да меня с собой взял. Хорошая корова, толстая. Не нужна? Нет? Ну, батя продаёт, а я побежал на царский дворец посмотреть. Только ничего не видно...

– Да, дворец у батюшки нашего Гороха, знатный, – подтвердил рыжий.

– Дяденька главный енерал, а кабы мне ну хош одним глазком глянуть, а? Я б Маньке своей как рассказал бы да парням нашим, деревенским, от то они бы меня зауважали!

– Ну что, Семёныч, – обратился рыжий к своему напарнику, – покажем парню дворец?

– Не велено, сам знаешь.

– Да ладно тебе, пусть сиволапый порадуетса да в деревушке своей расскажет какие енералы у царя Гороха добрые!

Я радостно закивал и скрючил самую умоляющую рожу.

– Добрый ты, – вздохнул Семёныч. – Ладноть, только быстро, а то влетит.

Ворота конечно, передо мной никто распахивать не стал, а вот калитка, заскрипев, отворилась, куда я и прошмыгнул, ощущая на спине горячее дыхание Михалыча.

Замерев посреди двора и опять старательно раззявив рот, я стал разглядывать дворец. Ну, красиво, честно говоря, ладно так. Всё резное, деревянное, наверное, про такое и говорят – без единого гвоздя. Вот только...

– Всё, внучек, тикай, – перебил мои мысли тихий шепот деда.

Я еще раз обвёл глазами дворец, горестно помотал головой и, развернувшись, зашагал обратно к калитке на улицу.

– Ты чего это, паря? – недоуменно переглянулись стрельцы.

Выйдя на улицу, я снова помотал головой:

– Ну, какой же это дворец? Это – изба. Большая, но изба. Вот мы давеча проезжали мимо дворца Кощея, вот там дворец уж дворец, а это... – я разочарованно махнул рукой. – Да и охранники там все в мундирах с золотыми пуговицами.

Теперь у стрельцов отвисли челюсти, а я поспешил их добить, задумчиво пробормотав:

– Это ж какое у них тогда жалование?

И быстро удрал в знакомый переулок, где расслабился и довольно заухмылялся. Ну и правильно. А чего они?

Теперь оставалось только ждать.

Ждать было скучно. Остро не хватало чего-нибудь в руках, сигареты, например, а лучше – бутерброда. Промаявшись с полчаса и прикидывая, сколько же Михалычу может потребоваться времени на его разведывательную операцию, до меня вдруг дошло, что мы совершенно не продумали, как дед будет выбираться обратно на улицу. Тут уж я совсем пригорюнился. Выйдет он конечно, никуда не денется, но придется ему ждать пока кто-нибудь не пройдет сквозь калитку, а мне, соответственно, придется тоже ждать. Эх...

Но дед мой вышел не через калитку, а прямо через ворота. Прошагав еще с полчаса по кривому переулку, я, услышав конский топот, метнулся к углу и осторожно выглянул. К воротам царского дворца подъезжала знакомая мне уже карета немецкого посла. Ага, а вон и Маша в окошке виднеется и мне язык показывает. Вот же... Ну всё, выговор за самовольство она точно схлопотала! Хотя как бы не пришлось благодарность объявлять, что деда выволить сумела.

– Спишь на посту?! – рявкнул мне прямо в ухо хриплый голос.

Я подпрыгнул и схватился за сердце:

– Михалыч! Растудить твою! Ну, нельзя же так подкрадываться!

Михалыч довольно захекал, пряча в кошель тубетейку-невидимку:

– Всё, внучек, пошли. Всё разузнал, всё разведал.

* * *

По дороге в гостиницу дед рассказал подробности своего рейда по Гороховскому дворцу.

– А и страшно, внучек! Крадусь я коридорами тесными, палатами низкими, а вся челядь на меня так и пялится! Я хош и знаю, что не видим для ихнего глаза, а каждый раз чуть не до потолка сигаю, когда сквозь меня посмотрят!

– Герой ты у меня, дед!

– А то!

– Так, а с мечом-то что там?

– А лежит он себе спокойно за дверью крепкой, – хмыкнул Михалыч. – А только, скажи мне внучек, а мы и правда с тобой такие тупые и если и сильны, то задним числом?

– Хорошо не задним местом. А что такое-то?

– А чего мы у Машки колечки ее с брульянтами не взяли? Я бы уже сейчас меч тот в кошеле своём нес бы. Замок там кош и мудрёный, но я его гвоздем и открыл и закрыл пару раз. Вокруг короба того хрустального походил, да кукиш сам себе показал.

– Да, – почесал я в затылке. – Это мы оплошали, деда.

– Ничё, внучек, не горюй, – Михалыч попытался погладить меня по голове, но я успел отклониться. – Сделаю я отмычку ладную, да бесов отошлем на дело, они меч враз при-тащат.

– Ну, хорошо, завтра их и отправим, да?

– Ага... О, внучек, а вот и наша гостиница, – оживился Михалыч. – Как там без нас хозяин наш разлюбезный пожи-вает?

Без нас хозяин поживал, похоже, неплохо. Весь первый этаж, отданный под кухню и трактир, был заполнен народом, шумом, запахами и безудержной гульбой.

Дед, войдя в зал, неспешно огляделся, потом солидно откашлялся, привлекая к себе внимание, Станиславского на него нет. И только когда гул стих и все взгляды обратились

к нам, степенно поклонился:

– А по здорову ли, люд честной?

Я вслед за дедом поклонился народу – это я уже наловчился тут, а народ, приглядевшись, взорвался радостными воплями:

– Здорово, Михалыч!

– Здравствуй на века, Михалыч!

– Садись к нам, Михалыч, окажи милость! И внушка своего к нам подсаживай!

Надо же и меня запомнили.

Хозяин, выскочив на шум, увидел нас и тут же обессиленно стал сползать по стеночке, безуспешно пытаясь натянуть на голову замусоленный фартук.

Местная братва моментально сдвинула столы и лавки так, что получился один стол в виде буквы «П», а дед, ухватив меня за руку, зашагал на почетные места, раскланиваясь по пути со знакомцами и представляя меня обществу:

– Внучек мой, Феденька. Молодой ишо, стеснительный. Но в деле нашем ох как лют... Гаврилу Псковского помните? А Гогу Кавказского? Ну вот, нет их больше. А так внучек у меня добёр, собаки уличной не обидит. Хотя демона енто-го – Вельзевула так сапогами запинал, что я еле отбил его у Федьки.

Мужики ахали и охали и поглядывали на меня с опаской, а я, заливаясь краской, плелся за дедом, изображая из себя застенчивого маньяка-убийцу.

– А где же это хозяин наш разлюбезный? – громко спросил Михалыч, усаживая меня рядом с собой во главе стола. – Ну-ка ребятишки, помогите страдальцу!

Двое громил, ухмыляясь, подтащили к деду обвисшего на их руках хозяина в полуобморочном состоянии.

– Ну, вот что, любезный, – дед покопался в своём безразмерном кошеле и достал из него мешочек туго набитый золотыми монетами. – Уж расстарайся, милай, не обидь моих гостей, гуляем мы сегодня. А за работу твою тяжкую, за уважение, что нам выказываешь, вот тебе и награда!

Михалыч бросил золото на стол, мешочек гулко брякнул и от этого звука, хозяин наш моментально пришел в себя и, улыбаясь, угодливо закивал:

– Всё понял, батюшка!

– А раз понял, то подавай на стол питьё да яства! Когда еще люду нашему, погрязшему в работе тяжелой да грехах непомерных, отдохнуть с товариществом удастся?

– Ура Михалычу! – дружно заревели мужики.

Хозяин умчался на кухню и уже через минуту бородастый бугай самого зверского вида, толкал трогательный тост в честь деда. И понеслось...

Я на спиртное не налегал, так, пригубливал только для приличия, а вот на еду накинулся. Весь день же голодным по Лукошкино бегал.

Через часик осоловел от съеденных запеченного поросенка, гусиной копченой грудки, заливной осетрины, гречневой

каши с белыми грибами, пирогов с капустой, картошкой, яйцом и луком, брусничных, яблочных и смородиновых, я поднялся, с трудом поклонился обществу и отправился наверх в знакомые уже апартаменты, шепнув Михалычу, чтобы он сильно не налегал на самогон. Дед только отмахнулся от меня мол, не учи учёного.

Едва я зашел в маленькую тесную комнатку с двумя кроватями, сразу же рухнул на одну из них, прислушиваясь к колыбельной с первого этажа:

*– Из-за терема большого,
Прям на весь базарный люд,
Выбегают наши парни
И весь люд в подкову гнут.*

«Где-то я уже слышал эту мелодию», – подумал я, проваливаясь в сон.

* * *

Разбудил меня волшебный запах жареного мяса с приправами.

Я сглотнул слюну, открыл глаза и увидел прямо перед собой большой деревянный поднос, заставленный самой разнообразной снедью. Поднос держал Михалыч и ехидно мне улыбался:

– Оголодал, внучек за ночь-то?

– Деда... – я протер глаза. – А ты чего живой-то? Я думал ты после вчерашней пьянки день пластом лежать будешь.

Дед захекал и похлопал себя по безразмерному кошелю:

– А я ить елексиром похмельным запасся, теперь хош каждый день пить могу до упаду!

– Не надо, – строго сказал я. – Дед, ну мы же на дело сюда прибыли, а не пьянствовать. Ты уж потерпи, а потом, как выполним наказ Кощеев, обмоем сразу всей Канцелярией.

Михалыч покивал головой и смущенно протянул:

– Да это я вчера годы былые вспомнил, внучек, вот и решил с ребятками посидеть как в старые времена... Ну куда?! Куда не умывшись, мясо в рот тянешь?! А ну марш во двор, я полью тебе сейчас – умоешься, потом ужо и позавтракаешь... Федька, положи курицу кому сказал!

– А что ты там про былые годы говорил? – спросил я уже во дворе гостиницы, отфыркиваясь от воды.

– Так я ж, внучек, – принялся за рассказ Михалыч, зачерпывая из бочки очередной ковш и опрокидывая его мне на голову, – так и не накопил себе ничего на старость. Всё сразу и проматывал. Как вернусь из гостей от очередного толстосума или банка какого, так первым делом Кошеешке в общак долю отправлю. Потом часть отдам жёнкам с дитятками, у которых кормильцы на каторге маются, а на остальные ребяткам пиры закатываю. Ох и гуляли мы, Федь! Не поверишь, по неделям из-за стола не вылезали!

– Ну, каждому своё, наверное. А я бы точно откладывал себе на будущее.

– Так скучно же так, внучек!

– Ага, украл, выпил – в тюрьму. Романтика! – процитировал я фразу из известного фильма.

– Не, на каторгу я только разочек и попал. И больше не захотелось.

– Да ты что?! У нас? И долго пришлось отсиживаться?

– Да какой у нас... В Англии ихней, басурманской. Сразу на свинцовые копи и отправили. А мне вдруг так на Родину захотелось... – дед вздохнул и потёр совершенно сухие глаза. – Берёзку обнять, степной ковыль понюхать... Я и подбил ребятишек мол, давайте домой лучше пойдем, чем здесь погибаться. Ну и вернулись на Русь.

– Вот так просто взяли и вернулись?

– Вот так просто, внучек и вернулись. Перебили охрану, прошли ватажкой до моря, по пути подбирая всё, что пригодиться могло, а как к морю вышли, тут и кораблик нам попутный попался.

– Да ладно... Вот так вас на борт взяли и на Русь отвезли? Банду каторжан?

– От неверящий ты у меня, Федька... На от ешь лучше.

Мы уже вернулись в комнату и я накинулся на завтрак, хотя продолжал сгорать от любопытства. Дед редко рассказывал про свои прошлые годы.

– Так что там... ням-чавк!.. с кораблем, деда? Как вас на

него пустили-то?

– А чего это мы у кого разрешения стали бы спрашивать? – захекал дед. – Выбрали кораблик побольше да ночью и залезли на него.

– А команда, капитан?

– Капитан с офицерами своими сразу за шпаги схватились, царство им небесное. А простые морячки с нами решили поплавать. И не пожалели, Федь! Они и рулили и парусами ловко управлялись, а мы им за это и из Бордо да Лиссабона, из Барселоны да Палермо, с Мальты да Афин и так до самого Царьграда, часть доли своей отдавали. Они домой, небось, совсем не бедными вернулись!

– Не понял... Вы что, грабили и пиратствовали по пути?

– Да господь с тобой, внучек! Просто заходили в город какой побольше и просили Христа ради мол, помогите сирым да убогим, – Михалыч снова захекал.

– Ну да, конечно... А серьезно?

– А серьезно, раз ты рот раззявил, то и пихай в него ногу куриную, чего без дела сидеть? Вот, правильно... Мы, внучек, как в город попадали, так сразу в кабак шли. А уж потом, день эдак на третий... Да пережёвывай же! Смотреть на тебя тошно!

– Да жую я, жую... И что на третий день?

– А к бургомистру уж шли или к губернатору какому и вот его тогда и просили поделиться да подкинуть нам денег на хлебушек и воду.

– Ага, ну да. А стража что же?

– А ты, внучек, думаешь, они там все в Европах дурные? Стражники как увидят нас оборванных да голодных, сразу слезами от жалости обливаются да по домам расходятся. Даже топорами толком и помахать им приветственно не удавалось.

– А бургомистр вам сразу хлеб и воду вот так просто и выдавал?

– А кудыть ему деваться? – хмыкнул дед. – Жить-то всем хочется. А то, что тут тебе рассказывать будут, как я возвратившись пять сундуков золота в Лукошкино прокутил, не верь! У нас набрешут с три улицы, да пять переулков! И трех сундуков не набралось, после того, как я Кощею его долю отсчитал.

– Однако... – протянул я, ухвативши кружку с компотом. – А потом?

– Суп с котом, – отрезал дед. – Дела пора делать, а не байки тут баить. Вона Аристофан тебя дожидается с докладом. Я его к Машке покудова определил, чтобы завтракать не мешал.

Ох, а я про Машу и забыл совсем.

– Деда, а Маша здесь ночевала или у посла своего?

– Здешя, внучек. К полуночи заявила, да сразу и давай подчищать пироги, что после тебя еще оставались, да вином их заливать. А потом вскочила на стол и стала ребятишек моих новомодным танцам хрэнцузским обучать...

– И всё вы врёте, дедушка Михалыч! – донеслось из-за стены. – И не пироги там были, а всего три бублика. И не вино, а пиво. И танцы вовсе не французские, а испанские.

– Ну, испанские, так испанские, – покладисто согласился дед. – Гони к нам чертеньку нашего.

– Это... босс, – шагнул в нашу комнату Аристофан. – Какие указания в натуре сегодня будут?

– Здорово, Аристофан. Вы как обустроились?

– Без базара, босс. Калымдай дом кожевенника уже купил, мы там конкретно и обосновались. Реальное место, босс. И дом большой и в сарае для чего угодно места хватит.

– А Олёна?

– С нами она. И это... босс, – Аристофан расплылся в улыбке. – Мы пару тех пришлых бесов типа отловили.

– Да ну? И что они?

– Да левые они, босс. С южных земель к нам на приработки отправились. Чмошники какие-то. Порядочному бесу и стоять рядом с ними запаadlo. А еще один удрал. Но ничего, отловим.

– Допросили их? Что они про Олёну и участкового говорят?

– Да так и говорят, что наняла их бесовка, вручила пяток яблочек отравленных и велела участкового типа извести, а меч спереть. Мы, кстати, три яблочка у них в сумке и нашли.

– Три? Одно участковому скормили, значит, четыре должно оставаться?

– Два, босс... – потупился Аристофан. – Из этих трех, мы два этим бесам и скормили, чисто поприкалываться... Одно и осталось. А еще одно – у третьего гада, он зачем-то его себе забрал.

– Во как... Померли бесы от яблочек?

– Да ну, босс, помрут они как же! Окосели, как от плохого самогона, мы их вытащили за город да в Смородину и сбросили. Пущай теперь реально на свои земли и плывут.

Аристофан заржал, а я махнул рукой:

– Да и фиг с ними. А твои парни, чем занимаются?

– Дык сидим, ждем приказа, – пожал плечами Аристофан. – Несколько пацанов по городу бродят, присматриваются, а трое у пришлых бесов бизнес переняли – квасника кошмарить дальше думают, забор ему сносить и заново строить. Чего в натуре хорошему делу пропадать?

– Ясно. Ладно, развлекайтесь пока, но будьте начеку. Да и третьего беса отловите все-таки.

– Без базара, босс.

Аристофан откланялся и исчез очень довольный. Явно в Лукошкино ему нравилось.

А тут и Калымдай с нами связался по булавочной связи.

– А, Калымдай! Тут Аристофан говорил, что ты дом кожевника в аренду взял. Без проблем обошлось?

– Всё в порядке, Федор Васильевич, он только рад был. А у нас тут на милицейском подворье развлечение сплошное. Народ туда-сюда бегают, кто на мента покойничка поглазеть,

кто к поминкам готовится, а Шмулинсон, помните такого? Он гроб доставил.

– Ох, ты ж... – у меня нехорошо заныло внутри. – Так умер всё-таки участковый, получается?

– Да куда там! – засмеялся Калымдай. – Живёхонек, только шатает его еще. Но все равно погрузили уже его в телегу, забросали соломой и вроде бы к Гороху отправились всем отделением.

– Ха! Конспираторы!

– Точно.

– Хорошо, майор, продолжай следить за бабкиным теремом.

– Так точно, господин генерал!

И Калымдай завершил связь.

Но не успел я начать отполировывать завтрак чаем с булочками, как Михалыч вдруг дернулся, сделал страшные глаза и, выудив из-под подушки зеркальце для связи с Кошечем, протянул его мне.

– Здравствуйте, Ваше Величество!

– Здоровей видали, – хмыкнул Кошей и нацелил на меня костлявый палец. – Быстро Федя собирай команду, подымай бесов и бегом в подвалы Гороховские!

– А что случилось, Ваше Величество?

– Случилось, что пьянь эта царская совместно с ментом Никиткой, надумали турнир устроить для женихов Марьянкиных.

– Да и пусть развлекаются, нам-то что?

– А то, что они хотят меч-кладенец в турнире использовать! – Кощей развел руками. – Как специально, прям.

– Так нам надо...

– Очень быстро меч тот спереть. Времени у вас часа два есть, не больше. Бесам кражу поручи, они ловкие паразиты, куда угодно без мыла пролезут. Всё, давай работай.

И царь-батюшка отключился.

– Слышал, Михалыч?

– Охти ж мне... – засуетился дед. – Зови срочно взад Аристофана, внучек.

Верно. По булавоочной связи я велел командиру бесов как можно быстрее снова явиться к нам, а сам спросил Михалыча:

– Деда, а что там с отмычками?

– Обижает, внучек, – дед порылся в кошеле и достал замысловатую железку. – Во! Красавица. Мне-то и гвоздя хватит, а чертям нашим бестолковым, я вот такую вот соорудил.

– Это... босс, – вломился к нам Аристофан, перепуганный и взволнованный.

Сделав ему жест обождать, я заорал:

– Маша! Машуля, зайди срочно ко мне!

Наша вегетарианистая вампирша тут же проскользнула в комнату и я быстро ввел коллег в курс дела:

– Коротко говоря – прямо сейчас надо меч-кладенец спереть. Планы резко изменились. Кощей-батюшка говорит, что

если за пару часов не успеем его умыкнуть...

– То что? – хрипло спросил Аристофан.

– То плохо нам будет. А особенно – тебе, как главному исполнителю. Так что бери у Михалыча отмычку, а у Маши перстни с алмазами и быстро-быстро отправляйся на дело.

Маша с неохотой потянула с пальчиков колечки и, протянув их бесу, многозначительно улыбнулась, выпустив клыки.

– Да, ты чё в натуре?! – завопил Аристофан. – Даже и не переживай, верну колечки в целости!

– Хороший мальчик, – кивнула ему Маша.

– Иди сюда, чертяка, – позвал Аристофана Михалыч. – Расскажу, как дверь открывать будешь.

– Машуль, давай быстро переодевайся в местную одежду. С нами пойдешь, мало ли что.

– Ну вот... – Маша опечалилась. Наверняка собиралась к своему Кнуту улизнуть. – А у меня столько дел на сегодня запланировано было...

– Это, каких же интересно?

– Ой, ну мсье Теодор, мало ли у девушки проблем может быть? Волосы помыть, постирать кое-что, покушать опять же...

– Потом, Машуль. Дело есть дело.

– Это... босс, – вмешался Аристофан. – Я пошел в натуре?

– Всё тебе Михалыч рассказал? Давай тогда, удачи, а мы тебя в новом доме ждать будем, в кожаной лавке.

Аристофан исчез, а мы собрались и вышли на улицу.

Солнышко припекало, но как-то ласково, народу поблизости не было, грязь на улицах подсохла – благодать. Если бы отдыхать, а не работать. А мы быстрым шагом направлялись на Колокольную площадь рядом с базаром, где и находился арендованный нами дом. Чем ближе мы подходили к базару, тем больше народу попадалось нам по пути, а уж на самом базаре, как всегда была толпа, крики, хохот и ругань продавцов и всегда желанных, но капризных покупателей. Пробившись через толпу, мы вышли на Колокольную площадь, уж и не знаю, почему ее так называли – ни одного колокола я тут не заметил.

– Смотри, внучек, вона наш дом, – указал Михалыч на высокий забор, состоящий сплошь из подогнанных друг к другу бревен.

Ну а как же. Тут если дом хоть чуть солидный, то высокий забор, запертые накрепко ворота и маленькая калитка, в которую протискиваться надо наклонившись. Штурмом легко такой забор не одолеть, а если и найдется умелец, что перелезет через трехметровую высоту, то с той стороны его уже будут ждать радостные собачки с теленка размером и клыками как у Маши. Приём только по предварительной записи, короче. Но сейчас нам такое было только на руку. Зачем нам любопытные глаза, которых в Лукошкино насчитывалось тридцать-сорок тысяч пар?

На наш стук калитку отворил один из бесов Аристофана и мы по одному прошмыгнули в большой двор, заставлен-

ный бочками, какими-то ящиками и прочим хламом. Сарай, предназначенный нами в качестве ангара для летучего корабля и правда, был очень большой, а из дверей дома нам уже махал рукой Калымдай.

В доме было тихо, чисто и вполне уютно и просторно. Калымдай пожал нам с Михалычем руки, а стоящая рядом с ним Олёна, поклонилась.

– От Аристофана ничего не слышно? – сразу же спросил я майора.

– Никак нет, Федор Васильевич. Но думаю, уже скоро должен явиться. Да вы не переживайте, для бесов это плёвое дело.

– Хорошо бы, – с сомнением протянул я. – Как у тебя дела, Олёна?

– Всё в порядке, батюшка Секретарь, – заулыбалась Олёна. – Чертежи корабля у Гороха в личной горенке хранятся.

– Уже разведала? Молодец.

– Только добраться до них пока никак не могу, – она разочарованно вздохнула. – Они в сундучке с другими бумагами хранятся, я подглядела, а вот тайное место, куда Горох этот сундучок прячет, никак не подсматрю. Да и ключик от ларца он постоянно на шее носит.

– Взглянуть бы на тот ларец, – протянул Михалыч. – Я бы тебе живо ключ изготовил.

– Да не надо, дедушка, – улыбнулась Олёна. – Я все равно подберусь к чертежам, время же у нас еще есть. А вы, де-

душка, лучше шапочку мою верните, а то не всегда удаётся открыто во дворец проникнуть.

Михалыч, покопавшись в своём кошельке, с видимым сожалением отдал бесовке шапку-невидимку:

– Эх, хорошая вещица! В нашем деле ить очень даже способствует.

В горницу ввалился, тяжело дыша, Аристофан с двумя бе-сами:

– Это... босс! Сделали дело в натуре!

– Ух, молодцы! – обрадовался я. – Без проблем? Как прошло? Где меч?

– Тут эта... – смутился Аристофан, кивком отправляя своих подручных за дверь. – Оставили типа мы меч там.

– Как?! Почему?

– Лоханулись, паразиты, – проворчал Михалыч, ухватив Аристофана за ухо. – А гонору-то сколько было!

– А мне вот интересно, мсье Теодор, – лениво протянула Маша, – Кощей всех бесов убьёт или только исполнителей?

– Да вы чё в натуре?! – заверещал Аристофан, с трудом высвобождая ухо из цепких пальцев деда. – Спёрли мы меч, как и договаривались! Только там шухер был, никак с собой вынести его не могли, так там реально и припрятали. А ночью ходим и без базара притараним меч.

– Что за шухер? – допытывался я. Мне же потом отчет писать если что. Надо быть в курсе деталей.

– Горох с ментом да бойцами своими тоже в подвалы ки-

нулись, – почесал ухо Аристофан, опасливо поглядывая на Михалыча, – мы еле разминулись с ними. А они как увидели, что меча в натуре уже и нет, так такое палево началось, что шагу не сделать. Мы меч в холстину завернули да над дверьми на выходе, на притолоку и запихнули, фиг его там искать будут. А ночью мы конкретно за ним и сходим, не переживай, босс.

– Охохошеньки... – вздохнул я. – А может в шапке-невидимке сейчас сходить за ним, а, Олёна?

– Сложно сейчас, батюшка раз там тревогу подняли, – покачала головой бесовка. – Там стрельцы на каждом шагу теперь стоять будут, да и меч тайно уносить – дедушкин кошель нужен будет.

– Зачем?

– Ну, так если вещь большая, то шапка ее не скроет, только владелец невидимый будет.

Я представил, как по Гороховому двору плывет в воздухе меч мимо стрельцов и челяди и согласился, что идея так себе.

– Деда, а может, ты в шапке сходишь и в кошель меч запихнёшь?

– Да не гони ты волну, внучек, – отмахнулся дед. – Ить загорелось тебе... Ночью Аристофан заберет, а мы ему поможем, а сейчас не гоже туда соваться, девка верно говорит.

Вдруг тихо засмеялся Калымдай.

– Ты чего?

– А Горох-то еще с час назад через глашатаев на площади объявил турнир. Мол, кто с мечом волшебным справится, тому Марьяну в жены. А меча-то и нет у же!

Все заухмылялись – мелочь, а приятно.

– Машуль, у нас сейчас свободное время появилось, так что если хочешь, можешь к Кнуту Гамсуновичу наведаться. Только к ночи подходи в гостиницу.

– Мерси, мсье, Теодор! – обрадовалась Маша и тут же улизнула.

– Аристофан, ты хоть расскажи, как вы дело-то обстряпали? Чего нам там сегодня ожидать, чего опасаться?

– Да там легко, босс, – самодовольно хмыкнул Аристофан. – Мы своими ходами под землей пошли и реально в подвалах царских выскочили. А там тишина, никого бойцов Гороховых, да и те спят через одного конкретно. Мы мимо них прошмыгнули и дверь нужную быстро нашли. Правда, с замком пришлось типа повозиться.

– Как так? – удивился Михалыч. – Я же вам отмычку хорошую сделал да тебе всё подробно обсказал!

– Не-не, Михалыч, – выставил перед собой руки Аристофан. – К тебе без базара претензий нет. Это боец мой лоханулся, сначала не той стороной отмычку запихнуть пытался...

– Ить бестолочь криволапая! – сплюнул дед.

– В натуре, Михалыч, – кивнул Аристофан, обтирая плевков на сапоге о штанину. – Так и запихнул конкретно не той

стороной в замок. Пока вытащили, пока правильно воткнули, слышим – шухер начался. Короб тот хрустальный быстро взрезали, спасибо вампирше нашей за алмазики, хватъ меч и дёру, а спереди на нас уже конкретно бойцы Гороховские прут. Мы типа назад, а там тупик. И под землю никак не уйти – не дошли еще до нужного места там, где земля реально поддаётся. Ну, меч в холстину завернули и мимо стрельцов по одному просочились к выходу. Уже типа к нужному месту подобрались, а там, в натуре на входе в землю пятеро бойцов топчутся. А велено же реально тихо, без убийств типа, вот мы меч на самом выходе из подвалов на притолоку и засунули, а сами уже через двор и сюда.

– И никто вас не заметил? – удивился я.

– Не, босс! – довольно заулыбался Аристофан, – Мы же конкретно бесы!

– «Конкретно», – передразнил его дед. – Вот и сообщай сам Кощею-батюшке о своем провале конкретно.

– Михалыч... – жалобно заскулил Аристофан, – а давай ты ему типа сам скажешь? А еще лучше – потом, реально после ночной операции, а? А я не забуду доброту, блин буду, а?

– Стол пустой, батюшка Секретарь – голодный, – проворчал Михалыч. – О какой доброте говорим, милай?

– Так это мы в момент! – засуетился Аристофан. – Ща сделаем без базара!

– Дед, ну завтракали же недавно, – укоризненно протянул

я, едва Аристофан исчез из горницы.

– Да когда енто было? – отмахнулся Михалыч.

Короче, поесть мне всё-таки пришлось. А когда вернулись в гостиницу так и еще раз. Как же, дорога-то длинная была от Колокольной площади, аж минут двадцать пешком, да и сил еще сколько нужно для ночной вылазки, кушай, внучек, кушай... А внучку отбиться не удалось и пришлось потом до ночи валяться, пытаюсь уложить поудобнее всё съеденное в пузе. Надо молоко себе затребовать за вредность. С булочками.

* * *

Как стемнело, мы втроем – я, дед и Маша, покинули гостиницу и направились в дом на Колокольной площади, который на время нашей воздушно-корабельной операции стал нам главным штабом.

На выходе из гостиницы, дед кивком указал на Машу ослабившемуся хозяину:

– Мы скоро. Девицу нашу кровушкой христианской попоим и вернемся.

Хозяин икнул, хотел было перекреститься, но вспомнив про христианскую кровь, отдернул от груди руку, тихо взвыл и бочком улизнул на кухню. А Маша в связи с налётом на царский дворец, вновь одетая в свой кожаный костюмчик, возмутилась:

– Вы, дедушка Михалыч совершенно не представляете себе образ жизни и быта настоящих вампиров. Из-за таких как вы и идут по всему миру клеветнические истории очерняющие благородный облик истинного дитя Ночи. Ну почему кровь должна быть обязательно христианской? Любая подойдет. И даже больше вам скажу, дедушка, основываясь на своем опыте, могу утверждать, что кровь мусульман и иудеев, как людей соблюдающих определенные правила приема пищи, гораздо вкуснее и полезней, чем кровь ваших христиан. А уж про некоторые племена, употребляющие только растительную пищу, я вообще умолчу, скажу только, что незря они считаются деликатесом и рекомендуются в качестве оздоровительной диеты.

– Волнуешься, внучка? – понятиливо спросил Михалыч.

– Немножко, дедушка, – поёжилась Маша. – Монарший двор всё-таки. Куртуазные шевалье, модницы фрейлины, интриги и дуэли на каждом шагу, шарман... А тут я, в таком вот сопровождении.

– Видал, внучек? – повернул ко мне голову Михалыч. – Мордами мы ей не вышли.

– Ой, ну при чем тут ваши светлые благородные лица, дедушка Михалыч? Просто засмеют ведь, если я в вашем обществе при дворе появлюсь.

Я немного обиделся:

– Машуль, а ты не перечитала своих любовных романов? Мы же не к Людовику какому-нибудь на приём чешем, а по-

толкаться, даже не при – а на дворе у Гороха. И чем вообще тебе наше общество не нравится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.